

ЁЖ

Алексей Антонов

Алексей Антонов

Ёж

«Антонов Алексей Валерьевич»

2013

Антонов А. В.

Ёж / А. В. Антонов — «Антонов Алексей Валерьевич», 2013

На далеком севере России, среди бескрайней тайги, стоит безлюдный город-призрак. Здесь индустриальный турист Саша становится участником ужасающей пляски смерти. Мертвые улицы превратились в большой парк ужасов, где живым нет места. Лишь поняв, почему жители города исчезли, он сможет выжить... Книга основана на дневнике сталкера.

© Антонов А. В., 2013

© Антонов Алексей Валерьевич, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Антонов

Ёж

Глава 1

Я стоял у окна и смотрел за горизонт, туда, где медленно садилось солнце. Багровый летний закат скользил вдоль черных верхушек деревьев, отбрасывая длинные тени на растрескавшийся асфальт. Призраки заброшенного города плыли по улицам, поднимая мусор в воздух, закручивая его в медленном танце. Мои мысли были отброшены на несколько десятков лет назад. Я видел эти улицы, наполненные людьми: женщина в белом платке спешила в магазин за молоком, у самого дома стояла машина, под которой копался засаленный мужичок в кепке, непрерывно куря сигарету. Это были восьмидесятые или начало девяностых, точно сказать я не мог. Девтора шумно носилась с мячом по двору, с тем самым мячом, что сейчас прижался к полусгнившему забору, он уже давно испустил последний воздух и выцвел с годами. Я силился понять, что же произошло в этом забытом богом месте, понять, почему тот самый мяч был здесь брошен и забыт.

Позади меня раздался свист кипящего чайника, я повернулся и окинул взглядом комнату, которая стала мне приютом на время пребывания в этом странном месте. Это был настоящий Клондайк для такого искателя, как я. Несмотря на прошедшие десятилетия, вещи и обстановка сохранили свой прежний вид, разве что слегка выцвели обои и подгнило дерево полок, висящих на стенах. Книги, посуда, мебель, одежда – все было на своих местах, не тронуту, не разграблено, здесь стоял дух того времени, когда люди оставили это место.

Я подошел к походной газовой конфорке и выключил ее, свист чайника тут же утих, растворяясь в тяжелом воздухе комнаты. Из рюкзака я извлек металлическую кружку, купленную в «Экспедиции», сыпанул в нее черного чая и залил кипятком. Аромат чая успокаивал. Сказать по чести, я боялся этого места, и страх мой усиливался с наступлением ночи. Восьмой день я бродил по заброшенным улицам Ежа, и восемь ночей меня одолевал панический ужас перед неизведанным, перед тем, что здесь могло произойти двадцать лет назад.

О городе со странным названием Еж я узнал еще под Екатеринбургом, у мужичка, работающего на электростанции. Это было года три назад, и тогда я отнесся к его истории с недоверием. В тот год была лютая зима, замершие птицы падали с веток в холодный снег. Рекламные надписи на трамваях трескались от мороза и облетали, словно сухие листья. Машины и автобусы замерзали в дороге, а люди передвигались бегом, стараясь поменьше находиться на улице. Я приехал с экономической проверкой в маленький областной городок. На тот момент гендиректора местной электростанции подозревали в не совсем целесообразном использовании средств, поступающих из бюджета. Работа у меня была немудреная и крайне нудная – кипы бумаг, миллионы цифр и бухгалтера, которые играли в дурачков и дурочек. Спустя пару дней я знал о том, что Георгий Иванович греб деньги не лопатой, а ковшиком маленького экскаватора в собственный карман.

В тот знаменательный для меня день я сидел на шестом этаже административного здания – именно здесь располагался экономический отдел и бухгалтерия Горэлектро. Стрелка часов неумолимо приближалась к четырем часам дня, была среда – день выдачи зарплаты работникам этого славного предприятия. На этаже все время кто-то шатался, после обеда толпа страждущих заполнила узенький коридор перед кассой. В своей основной массе это были женщины за сорок, любящие посплетничать, а время для сплетен выдалось самое подходящее. Через пару часов я уже знал, кто и чем жил на станции. Настроение было, мягко говоря, нерабочее, и я решил отправиться в свою гостиницу, где собирался поужинать и выпить пару бокалов

коньяка. Я вышел из кабинета в галдящий коридор, запер дверь, и уже было направился к лифту, когда меня остановил единственный мужик, толкущийся среди женщин.

– Здорово, начальник! – Голос у него был с приятной хрипотцой, лицо же пропито лет эдак десять назад. Когда-то яркие голубые глаза поблекли и провалились, лицо было сплошь покрыто морщинами. Он был невысокого роста, метр с двумя кепками, высушенный, как старое полено, забытое в сарае.

– День добрый! – Я протянул ему руку, и он пожал ее, рукопожатие было крепким, и я понял, что выглядит он гораздо хуже, чем чувствует себя.

– Как идет проверка, жить будем?

– Вы еще вдоволь поживете, а вот ваш генеральный уже вряд ли. – Я уже было развернулся к нему спиной, чтобы приблизиться к лифтам, но он вновь остановил меня.

– Проворовался, значит, у нас тут давно ходят слухи, приехал этот холеньш из Ебурга и наши коврижки все поел. Я тебе вот что скажу: деньги людей портят, и это уже давно всем известно, деньги лучше переводить в алкоголь – в нем правда. – Он как-то грустно улыбнулся и посмотрел на меня. – Жди меня тут, я через минуту. – Он резко повернулся и уверенным шагом направился к кассе через строй женщин. Его встретили недовольные возгласы, и я уж, было, думал, что мужичок будет бит, возможно, даже ногами, но каким-то чудом он пробился к окошку, вручил кассиру какую-то выписку и через пару минут получил свои кровные заработанные.

– Уж, думал, не выберусь, – сказал он мне со смехом, – у нас бабы суровые, слона на скаку остановят, и хобот в бантик завяжут, про избу я уже молчу, и построят, и разобрать до последнего бревнышка могут. – Он подхватил меня за руку, и мы двинулись к лифтам, сопровождаемые недовольными возгласами в адрес моего нового знакомого. Минут через двадцать с двумя бутылками коньяка, который мы купили по моему настоянию, мы подошли к небольшому участку, огороженному хлипким и редким забором.

– Моя фазенда, – прокомментировал мой Сусанин и, видимо, собутыльник на этот вечер. – Жена умерла четыре года назад – рак. Понимаешь ли, у нас тут экология ни к черту, она у меня этот сад... все своими руками... а я все профукал, да и нет желания у меня ковыряться в земле, слесарь я, не пахарь, и никогда им не был. – Он говорил как-то отрешенно, без эмоций, говорил о годах минувших без намека на сожаление. Виктор, а именно так звали моего нового знакомого, открыл калитку и пошел впереди меня к одноэтажному домику, уютившемуся в дальнем конце некогда красивого, а ныне увядшего сада, покрытого толстым слоем неубранного снега.

– Здесь у меня банька, – он неопределенно махнул вправо, я проследил за его жестом и увидел приземистую баньку из почерневшего от времени сруба, – топить сегодня не будем, дров маловато на зиму заготовил, а покупать жаба меня давит, жосу в нее по расписанию, чтоб до весны дотянуть.

Мы вошли в дом. Это был обычный деревенский домик: длинные аляповатые «дорожки» в коридорах, пара ковров, приколоченных к стенам в большой комнате, выполняющей роль одновременно гостиной и спальни, железная сетчатая кровать у печи, большой деревянный стол, очевидно, доставшийся Виктору от прабабушки, у занавешенного окна, и столь же массивные стулья вокруг него.

– Располагайся, – Виктор кивнул на стул, – спать ляжешь тут (он указал на кровать), – а я на печи подрыхну, как в детстве у бабки. Люблю на печи спать, вспоминаю, когда мне было лет шесть–семь, я часто у бабки оставался, родители в «ночные» работали. Заберемся мы с ней зимой на печь, огонь потрескивает под тобой, а тебе тепло и уютно, бабка начинает храпеть через пять минут, а ты лежишь и думаешь. Думаешь о всякой ерунде, о том, как днем залепил снежком Маринке, чтоб она обратила на тебя внимание, о том, что летом тебе могут купить велик, потому что летом у тебя день рождения и бабушка уже второй год откладывает по

трешке на него со своей пенсии. Жалею я о своем детстве, ой как жалею, Саня, сейчас на печь залезаю и думаю о том времени, о том, как мне было хорошо. – Я видел перед собой глубоко уставшего человека, казалось, морщины его стали еще глубже, а глаза и вовсе побелели. Сейчас он был где-то очень далеко, там, где хотел бы задержаться на всю жизнь.

Виктор достал из холодильника вчерашнюю картошку, мы присовокупили к ней купленную мной сырокопченую колбаску и начали уничтожать запас коньяка. Виктор пил его и морщился, ругая меня на чем свет стоит за то, что я уговорил его вместо «беленькой» пить этакую гадость заморского происхождения. Он много рассуждал о том, что русскому хорошо и что иностранщине смерть, и это был бы обычный вечер, который я скоротал в компании случайного собутыльника, любящего пофилософствовать, если бы не история, которую он мне поведал, изрядно выпив.

История меня очень заинтересовала. С юности я увлекался поиском и исследованием заброшенных городов и деревень, крупных промышленных объектов и военных частей. Первый опыт индустриального туризма¹ у меня был еще в институте, я закончил третий курс и, устав от макро– и микроэкономических теорий, со своим другом Славкой решил отправиться в заброшенную больницу, что стояла в самом центре города. Больница, надо сказать, славилась страшными историями о призраках умерших постояльцев, которые бродили в обгоревших коридорах и пугали случайных ночных прохожих. Посетить городскую достопримечательность мы решили, естественно, ночью – для пущего эффекта. Славка, мой друг и однокурсник, раздобыл газовый пистолет – это была необходимость, так как здание бывшей больницы облюбовали бомжи, а чужой человек, оказавшийся на их территории, подвергал свою жизнь немалой опасности. Мы пытались прихватить с собой девчонок, но те наотрез отказались, большинство однокурсников, страшных ботаников, также решили не участвовать в нашей затее. В общем, отправились мы в больницу вдвоем, что подогревало нашу кровь еще больше и подхлестывало в нее адреналина. Мы вооружились фонариками, фотиками – на случай, если встретим настоящего призрака, пакетом с бутербродами и в полночь отправились в центр города к улице 8-е Марта, собственно, именно там и располагался заброшенный, полуобгоревший блок больницы. Местечко, скажу я вам, жутковатое. Свернув с центральной улицы, мы оказались в небольшом парке, сотни подобных парков окружают сотни же похожих больниц. Большое здание выплыло из темноты, когда мы почти уперлись в него носом. Яркие лучи выхватывали из темноты куски бежевой штукатурки, висящей на красном кирпиче, черные зияющие провалы окон без рам, на последнем этаже был сильный пожар, и языки копоти украшали его хаотичным рисунком.

– Шура, зря мы сюда приперлись ночью, днем надо было идти! – Слава говорил полусеппотом, будто боялся, что нас кто-то услышит.

– Это была твоя идея. – Я старался имитировать приподнятое настроение и жажду приключений, получилось малоубедительно, но на Славку подействовало.

Мы влезли в первое попавшееся окно, собственно, плана больницы у нас не было, как никак первый опыт такого предприятия, и мы точно не знали, куда идти. Вокруг валялось переломанное медицинское оборудование, куски мебели и горы битого стекла. Я, как истинный папарацци, извлек фотик и сделал пару кадров. Стены были исписаны первопроходцами, и это придало нам исследовательского настроения. Первый этаж был неинтересен, а потому покинут нами через несколько минут. Последующие этажи уже не нагоняли на нас столько жути, на самом верхнем мы встретили группку бомжей, которые не проявили к нам особого интереса, очевидно, «туристы» забредали сюда чуть ли не каждый день.

Спустя полтора часа мы уже были готовы покинуть столь примечательное место, но Слава вспомнил о том, что именно в подвале находился морг и где-то тут должна была быть лестница,

¹ Индустриальный туризм – исследование забытой или запретной части человеческой цивилизации, индустриальный турист в народе – сталкер.

ведущая к нему. С полчаса мы бродили по первому этажу, отыскивая подвал, между делом мимо нас проплывали бомжи, спешащие к себе на этаж, и последние остатки жути, нагоняемые этим заведением, нас покинули. Вскоре мы отыскали вход в морг, это была неприметная дверь с очень приметной надписью «морг», за дверью было небольшое помещение с выходом на лестницу и собственно лифтом, коим воспользоваться мы и не мечтали, а потому двинули сразу к лестнице. Надо сказать, что надписей на стенах поубавилось, да и вообще эта часть блока казалась менее посещаемой «туристами» вроде нас.

– Как-то мне тут не по себе... – Славка вновь перешел на полусшепот.

– Я тебе скажу, чувак, что мне тоже тут не очень, но, если не спустимся, будем жалеть до конца своих дней. – Я чувствовал, что мое сердце вместо крови уже качало только один адреналин, спускаться вниз совсем не хотелось, но я верил, что потом буду жалеть о том, что не сделал этого.

Мы начали спуск в черную бездну без окон, лестница была достаточно широкой, надписи со стен исчезли совсем, и вообще это место выглядело нетронутым. Не было мусора на полу, не было вообще никаких признаков присутствия людей.

– Чем дальше мы идем, тем больше я понимаю, что мы не должны этого делать. – Первоначальный задор моего друга совсем исчез и уступил место страху. Мне тоже было страшно, позже, посещая подобные места, я понял, что именно за адреналином и чувством страха я охотился, мне не хватало их в жизни, я не мог без них жить, я понимал это, но отключить инстинкт самосохранения мне это не помогало.

Преодолев последние ступеньки, мы вступили во владения мертвых, слева и справа тянулись холодильники для людей, отправившихся в свой последний путь, большинство из них были открыты, и на нас смотрели темные, бесстрастные квадраты мрака. Мы шли молча, мне в голову даже и мысли не пришло сделать несколько снимков, позже я был уверен, что на них отпечатались бы толпы душ умерших здесь людей. Я шел и чувствовал, что воздух тут намного плотнее, чем наверху, будто он был насыщен той субстанцией, что покидает людей с последним вздохом. Славка шел рядом и молчал, думаю, что он ощущал то же, что и я. Это было место, где живым было делать нечего, место, которое насквозь пропиталось запахом смерти. Мы держались центра коридора, стараясь не походить к холодильникам, никакая сила не заставила бы меня хоть на миллиметр приблизиться к ним. Воображение рисовало жуткие картины того, что могло прятаться за черными квадратами, окружающими нас. Мой фонарь светил прямо передо мной, я не двигал луч ни влево, ни вправо. Вообще, вспоминая те минуты, я могу передать лишь ощущения и мысли, что меня посещали, а мысль была собственно одна – уйти оттуда, и побыстрее.

Около трех часов ночи мы покинули больницу, вернее, один из ее заброшенных блоков, и спустя минут пять оказались на ярко освещенной центральной улице. Морг – единственное, что произвело на меня впечатление, черные провалы холодильников все еще стояли перед глазами. Мы двинулись к цирку, чтобы там поймать мотор и добраться до квартиры, которую снимали на пару. Уже у самой улицы Куйбышева Славка выдавил из себя: «Жесть». В ответ я промолчал, но уже в те секунды, что мы выбрались из морга, я знал, что стану «охотником» на подобные места и буду этим заниматься до тех пор, пока старость не пришвартует меня к постели...

Глава 2

Солнце стояло высоко в небе, даря земле свое летнее тепло. Зелень по-особенному смотрелась в его лучах, наполняя эйфорией все живое вокруг. Голубое небо, без единого облачка, обещало, что такая погода задержится в этих краях надолго. Судя по данным за прошлые годы, июль – тот месяц, когда на этой широте наступает лето. Это была даже не работа, она больше походила на экстремальный отдых, с небольшими заданиями, которые надо было выполнять за день, а вечером песни под гитару, и иногда, когда Миллениум разрешал, немного алкоголя и игры в дурака на виртуальные деньги.

Юля отошла от своего теодолита и подставила лицо солнцу. В этом году ей еще не удалось позагорать, вначале были ГОСы, потом диплом, теперь сразу работа, и только на работе она могла совместить приятное с полезным, а именно, наконец отдохнуть и принять летнюю порцию загара. Боря был в полуторакилометрах от нее, она знала, что вечером ей могло влететь от него, но ей было абсолютно все равно, что он ей скажет, в конце концов, она только училась работать и небольшие поблажки с его стороны не помешали бы. Она знала, что прямо сейчас он смотрит на ее перевернутое изображение в окуляре теодолита и кипит, как чайник, и если он решит справить малую нужду, то сожжет траву вокруг себя. Он терпеть не мог, когда кто-то в его маленькой группке позволял себе небольшой отдых во время работы. Однако до вечера было еще далеко, а перекипал он за час (это они с Женькой уже точно знали), достаточно было просто не попадать этот час в пределы радиуса действия Миллениума. Юля улыбнулась при мысли о красном лице Бори, а собственно говоря, чего ему кипеть, свою работу на точке она выполнила, теперь дело было за самим «большим начальником», он должен был протопать треугольник со стороной в полтора километра и проверить ее и Женькины замеры. Чего он, кстати, мог бы и не делать, как-никак, их пять лет учили, как гнать теодолитный ход с нивелирным, уж чему-то должны были обучить. Но Миллениум, геодезист со стажем, корчил из себя мегазнатока, и перепроверял за ними каждый ход, копался в каждом миллиметре. Нет, конечно, времени у них было полно, и он мог себе это позволить, но они могли бы ускориться ровно в три раза, если бы Боря не бегал от точки к точке. Юля знала, что дня через два он сдаст свои женоненавистнические позиции, плюнет на их неопытность и позволит им самостоятельно делать замеры, а уж он-то их будет просто перепроверять вечерком, сидя у костра. И дело даже не в том, что ему приходится бегать по полтора километра в каждом ходе. Боря был отлично сложен и легко справлялся, дело в том, что ошибок с Женькой они не допускали и старались изо всех сил угодить Миллениуму, коим, собственно, и был Боря. Почему «Миллениум» – они точно не знали, знали только, что Борю за глаза так называли все сотрудники, ну и знали, что он этого терпеть не мог.

Она повернулась к теодолиту и посмотрела в трубу: на соседней точке начальства уже не было, значит, оно двигается в ее сторону. Юля развернула трубу градусов на сорок пять и посмотрела еще на одну точку, на ней стоял теодолит, а в сторонке в траве лежала Женька, сверкая своими голыми ягодицами. Это был ее дневной моцион, когда Боря начинал двигаться от точки к точке, она быстро раздевалась и загорала аки нудист. Ее ничуть не смущало, заметит ее Миллениум в оголенном виде или нет: во-первых, он ей нравился, а во-вторых, как она говорила: «В теодолите все перевернуто и непонятно».

Юля еще раз сверилась с показаниями прибора и сделала проверку расчетов, все было верно и можно было расслабиться, она задрала футболку повыше, осмотрела свои оголенные ноги на предмет прилипающего свежего загара и растянулась на траве. На ней были коротенькие шорты цвета хаки, они как нельзя лучше подходили для дневного загара. Она и Женя таскали с собой еще пару джинсов, так как вечером становилось довольно-таки прохладно и приходилось переодеваться, перед тем как отправиться в лагерь, взгромоздив на себя пятики-

логаммовый теодолит со столь же тяжелой треногой. Боря, естественно, ворчал, понося на чем свет стоит женский род, он немало стебался над тем, как они паковали с собой на точку косметички, крема от загара, джинсы и еще бог весть что. Сам же щеголял в одних и тех же штанах, днем он их закатывал до колен, Юля так и видела эту картину, как Боря приговаривает: «И джинсы превращаются в оригинальные шорты». Вечером он их, наоборот, раскатывал донизу и не мерз. Естественно, ему было гораздо проще: снял футболку, надел футболку, снова снял. Знали бы они, что тут, в глухой тайге, можно будет позагорать, прихватили бы с собой купальники, и всем было бы легче, Боря перестал бы ворчать, девчонкам не пришлось бы таскать с собой по два комплекта одежды.

Еще один член их группы, Миша, или попросту Сандаль, был в пяти километрах от них. В первый день, увидев их женскую компанию, он откровенно сплюнул со словами: «Пропала работа». Затем взял сумки, развернулся и направился к машине, которая должна была доставить их в аэропорт. С самого начала он жутко не понравился Юле, заносчивый, самовлюбленный хлыщ, но со временем стало ясно, что он единственный человек в их маленькой группе, которого можно назвать душой компании.

– Загораем? – на холм взобрался Боря, он деловито направился к теодолиту и начал перепроверять замеры «туриста практиканта».

– Чем еще тут заниматься? – Юля встала с травы и подошла к нему почти вплотную. – Там все нормально, Борь, я перепроверила, могу шлепать на следующую точку.

– Угу, топорик прихвати, там видимость нулевая, позанимаешься физкультурой немного. – Миллениум мельком бросил взгляд на ее записи. – Все циферки угадала, молодец. Предупреди Женю, что я иду к ней, иначе случится конфуз.

– Да ты вроде уже все в теодолит рассмотрел. – Юля засмеялась, отбрасывая со лба черные, как смоль, волосы и демонстрируя свою очаровательную улыбку с ямочками на щеках.

Боря молча посмотрел на нее, пошевелил бровями и двинулся в сторону Жени, потом остановился метрах в тридцати от нее и крикнул:

– Про топор я серьезно, березки на точке поросли, проруби в сторону Женьки и своей точки, встретимся там часика через полтора, два. – Он достал сигарету из кармана и закурил.

– Борь, дай сижку, я свои в лагере оставила. – Юля уже было направилась к нему, но он остановил ее.

– Здоровее будешь, и... детям курить вредно. – Он развернулся и быстрым шагом отправился прочь.

– Злодей. – Она не сильно-то и хотела курить, но запах табака, донесшийся до нее, разбудил желание, придется теперь мучиться до самого вечера, пока они не вернутся в лагерь.

Юля подошла к рюкзаку и вытащила из него рацию. Первые дни, только получив эти игрушки, они забивали эфир ежесекундно, пока Миллениуму этот цирк не надоел, и он обещал более не менять им аккумуляторы до самого возвращения на Большую землю, теперь приходилось экономить, хотя обе знали, что батареей хватит на месяц непрерывной болтовни.

– Жень, ворчун к тебе топают, хватит светить своей попой на полтайги. – Она присела у теодолита, оторвала травинку и сунула ее между зубов, желание курить нарастало.

– Сейчас, уже одеваюсь... – Юля невооруженным глазом видела, как Женя нехотя встала у теодолита и начала натягивать на себя трусики.

– Погоди, не одевайся, – эфир разорвали помехи, голос едва пробивался сквозь них, – я бегу к своему теодолиту, Женя, притормози. – Это был Сандаль, он был в своем репертуаре. Все они знали, что его точка находится вне пределов видимости и скрыта широкой грядой холмов, он прогонял параллельный ход для путей обеспечения.

– Ага, сейчас, – Женя говорила, слегка растягивая слова, получалось весьма томно, если не считать ее детского голоса, – встану во весь рост и помашу тебе ручкой. – Она была при-

рожденной кокеткой и заигрывала со всеми мужчинами, что были ей симпатичны, надо сказать, что Миша с Борей были аполлонами геодезической науки.

– Женька... – помехи прервали Мишу, – попрыгай, я не вижу тебя, пигалица ты наша. – Он засмеялся, Сандаль не упускал возможности подколоть Женьку насчет ее роста. Она была весьма миниатюрная и аккуратная девушка, ее едва было видно из-за установленного теодолита на треноге, хотя в ее распоряжении было еще как минимум четыре года, говорят, люди растут до двадцати пяти, не меньше.

– Придурок! – она сказала это без злобы, смакуя и растягивая каждую букву. – Вечером с Юлькой разденем тебя в дурачка, там посмеемся.

Эфир взорвался смехом.

– Деточка, тебе не обыграть меня, даже если тебе это снится.

– Ладно, хватит эфир забивать, – это был Миллениум, – Юля, собирай теодолит и двигай на точку, Женя, одевайся без пререканий...

– Миша уже бежит вприпрыжку на следующую точку, – закончил за него Сандаль.

– Да оделась я уже! – Женька не могла не вставить свое словцо напоследок.

Юля начала снимать теодолит с треноги, ей предстояло запаковать его и передвинуться на следующий опорный пункт, в километре от того, на котором она находилась. Минут через пятнадцать, взгромоздив на себя всю эту тяжесть, она начала спускаться с холма. По-прежнему хотелось курить, она даже чувствовала запах табака, что оставил тут Боря. Засунув руку в карман, она извлекла жвачку и закинула ее в рот, чтобы хоть как-то отвлечься от этих мыслей.

Вообще, недавно приобретенная профессия ей нравилась, но она не представляла себя вечно скитающейся по горам и долам с теодолитом за спиной и треногой на плече. Это была профессия для прирожденных холостяков, ей же хотелось домашнего тепла и уюта. Однако, когда они с Женькой начали искать работу, ничего стационарного для начинающих геодезистов не нашли, и в то же время их приняли с распростертыми объятиями в РосГео. На мизерный оклад и процент с выполненных работ, как-никак они были всего лишь, как говорил Боря, «туристы-практиканты». Туристы – потому что не задержатся надолго, практиканты – потому что, кроме того, как вертеть теодолит в руках, они, по его мнению, больше ничего не умели. Толика правды в том была, они мало понимали в той работе, которую сейчас выполняли, знали лишь, что Сандаль делает съемку местности для коммуникаций, они же втроем снимали местность для высоковольтной линии. Как все это сводил Миллениум воедино, они даже представления не имели, но вечерами, когда они развлекались партейками в дурачка, Боря садился у костра, разбирал все записи и начинал вводить измерения в единый журнал расчетов, пометая точки на карте. Уж он-то получал за свою работу совсем немало, в родной Пышме у него было две квартиры и неплохая иномарка во владении, причем не кредитном. Этаким маленький олигарх, который зарабатывал все своими руками, ну и если подумать, то и головой тоже. Начал он ездить по северам еще студентом, и ездит до сих пор, не имея ни жены, ни детей, хотя у геодезистов есть присказка о том, что у каждого из них в городах, которые они посещали, есть маленькая, но семья. Юля так жить не собиралась, она не представляла себя, тридцатилетнюю, на месте Бори, обучающую вновь поступивших сотрудников или студентов-практикантов, слоняющуюся по лесам и фанатеющую от этой романтики. Она собиралась поработать годик-другой в «поле», а потом, набравшись необходимого опыта, найти более или менее стационарную работу в Екатеринбурге. У Женьки были аналогичные планы, но вряд ли эта хрупкая мини-дамочка продержится больше одного– двух выездов на природу. Женя была утонченной девушкой, этакая Барби российского пошиба, носочки-платочки, рюшечки-косички...

Юля остановилась на новой точке и осмотрелась. Боря был прав, когда говорил о топоре: ни одной предыдущей точки видно не было, все перекрывали молоденькие березки, вырубкой коих ей сейчас предстояло заняться. Она установила теодолит, отцентровала его по всем правилам, осмотрела в трубу предполагаемый фронт работ – рубить предстояло немало. Милле-

ниум не иначе как специально отправил ее на эту точку, она располагалась меж двух небольших холмов, разрез которых порос березняком. Она раскрыла свою походную сумку и извлекла из нее топорик.

– Эх, чем дальше в лес, тем больше дров. – Юля взмахнула топором и рубанула по первой березке, та легко поддалась и с легким шуршанием опустилась на землю, подрубленная почти у самого корня. За первой последовала вторая, затем третья, рубить было не так сложно, как ей это представлялось в самом начале.

– Ты так всю тайгу вырубешь, Юль, – на одном из холмов стоял Боря, – рубишь только те, что стоят в створе, остальные-то за что?

– Да я так и делаю! – Юля с видом «не мешай и отвали» рубанула следующую березу.

– Ладно, только я буду вон там, – он махнул в противоположную сторону, – ты, конечно, можешь рубить, как и где тебе угодно, но, когда я выйду на точку, потрудись освободить створ в нужном направлении. – Он так едко усмехнулся, что у Юли защипало глаза.

– Эмм, – она посмотрела на него недоумевающее, – туда-то створ не отчищать? – Юля махнула в сторону своей вырубки.

– А зачем? – Он подошел к ней вплотную и извлек сигарету из пачки. – Покурим?

– С чего такая щедрость? – Она надулась и скрестила руки на груди.

– Да ты сейчас заплачешь, губа нижняя трясется. – Он протянул ей сигарету и уже извлек из кармана зажигалку.

– Было бы из-за чего реветь, Боря. – Она взяла зажигалку из его рук и прикурила. – Мне, хрупкой девочке, рубить тайгу со всеми ее березами и елями, как ногти с утра накрашивать. – Юля выпустила густую струю дыма в небо.

– Жгешь, Юлька, – Миллениум усмехнулся и присоединил свой табачный дым к ее облаку, – тут особо не намахаешься, у нас еще двести с копейками точек, не меньше сотни километров, если так пойдет дальше, то по твоей вырубленной тропинке сразу высоковольтку втыкать можно будет. Она звонко рассмеялась, напряжение сразу куда-то ушло, Боря хоть и был порядочным засранцем как начальник, но как собеседник и человек был совсем не плох.

– Ладно, Борь, расчищу я створ, получше дровосека из страны Оз. – Юля взяла топор и направилась к первой же березке, заслоняющей обзор, сигарету зажала в зубах, как заправский сапожник.

– Докурила бы хоть, – он уже было направился за ней, чтобы остановить.

– Топай на точку, а то времени мало, – одновременно выпуская дым, проговорила она.

– Ладно, будь тут поаккуратнее, вечером у меня к вам разговор будет, – он резко развернулся и направился к ближайшей сопке, медлить действительно не было повода. Заказ, что ему удалось урвать, был крайне денежным, а чем раньше будет сделана работа, тем дороже будет его трудодень, как-никак времена рынка.

– Что за разговор? – Юля обернулась к нему, но Миллениум уже скрылся за холмом, подножие которого она так старательно обработала топором. Боря был невыносим, она почти наверняка была уверена в том, что он специально создал эту интригу, чтобы она помучалась до вечера. Юля опустила топор и достала рацию из нагрудного кармана: – Женька, что за разговор у Бори к нам, ты в курсе?

– Не-а, – почти сразу послышалось из динамика рации, – он мне что-то там намекал, я так и не поняла: разговор со мной или с нами всеми. – Жене нравилось притворяться этойкой девочкой– дурочкой, хотя на самом деле вся обстояло с точностью до наоборот. – Опять будет ругать меня за нерасторопность, я тут треногу пнула, когда измерения делала, накосячила немного, в общем, не от центра все получилось, как-то кривовато. – Юля улыбнулась, глядя на динамик рации, все-таки славная была подружка Женька. – Но я же все исправила, еще до того, как он пришел все тут проверять, ну, начеркала в бланке немного, все равно все правильно, ой... – она резко прервалась.

– Что там у тебя, Женька? – Это уже был Сандадь, который вмешался в их разговор, бедняга скучал на дальних точках в одиночестве и был большим любителем подслушать разговоры девчонок.

– Я же тебя не спрашиваю, Сандадь, почему ты Сандадь, а, скажем, не Башмак. – Женька была вовсе не обижена тем фактом, что их подслушивали, и говорила все так же томно, нараспев. – В нору чью-то провалилась я, чуть ногу не сломала.

– Ногти-то на руках целы? – Миша был галантен и вежлив, как настоящий джентльмен.

– Слушай, Миша, джентльмен таежный, ты знаешь хоть, чем настоящий джентльмен отличается от фальшивого? = в голосе Жени слышались шуточные нотки, присказку о джентльменах ей недавно поведала Юлька, и, естественно, пока в памяти история была свежа, маленькая принцесса решила поделиться ею с ближним.

– Эммм, даже и не знаю, что тебе сказать. – Сандадь был весь внимание.

– Ну, скажем, заходит фальшивый джентльмен в ванну, а там принимает душ настоящая леди, типа меня, что он скажет?

– Простите, Евгения, я зайду попозже? – Миша рассмеялся, и в эфире защелкали помехи.

– Почти угадал, он скажет, простите, миссис, я не знал, что здесь кто-то есть. – В голосе Жени чувствовалось превосходство над этим лесным человеком, с не менее лесным именем. – Ну а теперь представим в такой же ситуации истинного джентльмена, что он скажет?

– Он без лишних слов присоединится к миссис? – Миша опять рассмеялся.

– Это из репертуара француза, – к разговору присоединилась Юля, – речь идет о джентльменах, секс раз в полгода только после утренней овсянки и прогулки с собакой Баскервилей.

– Давайте не томите, что за ответ? – Сандадь просто давился от смеха, и эфир рвало помехами.

– Джентльмен тот настоящий, кто скажет: «Простите, сэр, я не заметил, что тут кто-то есть».

– Не так оригинально, как я думал, пожалуй, я останусь французом. – Миша все еще смеялся. – Ладно, девчонки, конец эфира, отрубаясь до вечера, мне еще пара точек предстоит, надеюсь, порадуете ужином. – В эфире громко щелкнуло, это говорило о том, что Сандадь отключился.

– Женька, я тоже отключаюсь, тут топорицом помахать надо.

– Давай, Юль, до вечера, послушаем скоро речи Бори. – Она также щелкнула, извещая о том, что отключилась. Юля знала, что Миллениум все это время слушал их, но не вмешивался, все-таки и занудный он был тип, просто жуть.

Глава 3

За окном тьма окутала пустые улицы, мертвый город призраков превратился в большой парк ужасов, где живым не было места. Я поужинал тушенкой и запил ее крепким черным чаем.

Мясо, обработанное и запечатанное в банку, нынче стало совсем не то, что в моем детстве. Тушенка и рыбалка в те далекие годы были совершенно неотделимыми вещами, отец всегда брал пару банок, любовно выбранных в магазине, с собой. Ритуал покупки сопровождался потрясыванием и прикладыванием банки к уху.

Мы сидели с ним у реки, закинув удочки, ко времени обеда отец вскрывал тушенку, и мы ели добротные, ароматно пахнущие куски мяса прямо с ножа. Это был настоящий обед, мало напоминающий мой сегодняшний ужин – куски хрящей, плавающих в жире.

Чем ближе была полночь, тем больше адреналин играл в моей крови, я осознавал, что на сотни километров вокруг нет ни одного живого человека. Я понимал, что, случись со мной какая-нибудь неприятность, никто бы и не спохватился ближайший месяц-другой. Сломай я руку или ногу, мне бы пришлось в одиночку справляться с вправкой костей и наложением шин, в чем я не был специалистом. Я часто стал об этом задумываться, с тех пор как Славка погиб в одном из таких же городов. Я узнал о его смерти лишь полгода спустя. В темноте человека начинают одолевать те страхи, о которых днем он даже не подозревает. Днем я рыскаю по городу, стараясь понять, что же все-таки тут произошло, я понимаю, что я единственный человек, который побывал в этом городе с девяностых годов. Сюда не направлялись экспертные комиссии, здесь не было никаких специалистов, которые могли бы во всем разобраться, про Еж просто-напросто забыли и больше не вспоминали как о чем-то неприятном, его стерли из памяти: нет людей, нет и города. Я боюсь чего-то неизведанного, боюсь, что про меня так же забудут, как и про этот город, боюсь умереть тут, как Слава умер, простой незамысловатой смертью. По ночам я вспоминаю один из романов, который читал еще в юности, о человеке, который остался последним на всей планете, в Еже я чувствовал себя именно так. Может, там, за сотню километров отсюда, уже нет больших городов, нет людей, нет ничего, и осталась лишь одна пустота, как в Еже, пустота, как в том морге в заброшенной больнице, в эти минуты мне становилось невыносимо тоскливо, и я хотел назад, к цивилизации, к большому городу, к жене. Вспоминая о ней, моя рука невольно тянулась к сотовому телефону, я даже извлек его из сумки, хотя знал, что связь с цивилизованным миром оборвалась еще сотни километров назад. Здесь не было ничего, кроме бескрайних просторов русского леса со всем его зверьем.

Я забарикадировал дверь старой кроватью и улегся на спальный мешок. Сегодня было достаточно тепло и не было нужды забираться в него. Карабин «Сайга» калибром семь шестьдесят два лежал рядом со мной. На старом стуле стояла походная керосинка, она давала теплый неровный свет, и по комнате гуляли странные тени, но они уже не пугали меня, я ждал нового дня, именно завтра я решил отправиться к лесопилльне и порыться в документации девяностых – там я надеялся докопаться до истины...

...Вторая бутылка коньяка подходила к концу. Я уже собирался отправиться к себе в гостиницу, когда Виктор уверил меня, что стоит остаться ночевать у него, так как на улице лютый мороз и я рисковал замерзнуть в своей столичной куртке где-то по дороге, а запасного тулупа у моего собутельника не имелось.

– Ты не подумай чего, – Виктор закурил, – в свое время в моем хозяйстве было все, но, как Зинка померла, туго мне стало, туго, Саня, хоть вой. – Он выпустил в потолок струю табачного дыма.

– Да я понимаю, – я тоже извлек сигарету и прикурил, с первой затяжкой я понял, что достаточно пьян и пора баиньки, – Вить, а не пора ли нам пора? – Виктор понял мою фразу по-своему и вновь наполнил стопки, пили мы коньяк по-русски, стопками и залпом.

– Зинка у меня была всем бабам баба, и мать у нее была такая же, и бабка, сгинули только они все в чертовый омут, – Виктор затаился и поднял стопку. – Ну, будем! – Мы выпили, не чокаясь. – Странная, я тебе скажу, история произошла в тот злополучный год. – Глаза Виктора затуманились, я понял, что сейчас он уже находится не рядом со мной, а где-то далеко, в том самом злополучном году. И меня ждет длинная и не совсем впечатляющая история. – Зина моя родом из города Еж – это на севере, тмутаракань далекая, людей они там не видят по полгода, все вокруг свои. До ближайшей автострады километров триста, кругом непроходимая тайга, живут они там, как на острове, почту и ту вертолетами доставляют два раза в год, а то и реже. Вертолет же привозит продукты для магазина. Живут там люди... – мой собеседник осекся, – жили там люди лесозаготовками.

Я прикурил новую сигарету и затуманенным взглядом посмотрел на Виктора: – Почему жили, съехали все?

– Ты слушай историю, история длинная и непростая, – он потянулся к стопке, заметил, что та уже пуста, и продолжил: – В общем, лес там мужики валили, охотились, рыбачили, каменный век по нашим временам. Единственная дорога в город становится проезжей только зимой, тогда лес и вывозили. В советские времена жили там очень хорошо, лесом-то с япошками торговали, в магазине техника всякая была, шмотки. – Виктор оглядел свою коморку. – Вон, гляди, куртка синяя висит, лет двадцать ей, а все как новая, японская, настоящая, из того самого магазинчика, это мы с Зинкой на Новый год к ним ездили в конце восьмидесятых, родители у нее там были. Отец знатный лесоруб, здоровенный такой мужичина, с бородой, как у попа, суровый, а куртку подарил мне, уважал он меня за мою работающую профессию. Так вот, после развала Союза люди из Ежа повалили в города покрупней, деньги сколотили в те времена и рванули, кто с чем остался – уж не знаю, но Зинкин отец наотрез отказался уезжать, да там много таких принципиальных было. – Он резко прервался. – Наливай!

Я свинтил крышку с бутылки коньяка и плеснул огненной жидкости по стопкам. Виктор тем временем нарезал еще колбасы.

– Я твои покурю, зараза такая: как выпью, так курить начинаю, как паровоз, жинка моя очень не любила, когда я курил в доме, отец-то у нее некурящий был. – Он пьяно чиркнул зажигалкой, посмотрел, как сизые облака витают у лампочки и продолжил: – Так вот, союз развалился, но город устоял, даже почтовый вертолет к ним туда летал исправно, лес продолжали валить, деньги в городе имелись. В девяностые даже пополнение из молодых прибыло, да что там говорить, и я подумывал туда перебраться, хорошо там, леса кругом, охота, рыбалка, работа, что еще мужику надо? В девяностые у нас-то с работой туго было, страшные годы, временами и хлеба не на что купить было. – Он сделал новую затяжку, поднял стопку и молча опрокинул ее в рот. – На Новый год в конце девяносто третьего Зинка написала своим открытку, ну там поздравления, сам понимаешь, ждать ответа полгода, потому мы и не суетились. Наступило лето, ответа нет. Зинка новое письмо настрочила, новый год – ответа нет, девяносто пятый на носу, а почта два раза в год, ну мы и поняли, что-то случилось, там этих писем с Большой Земли как манны небесной ждут, а тут ни ответа ни привета. Зинка рванула в Ебург, в главный офис компании, что лес закупала в Еже. Приехала, а ей и говорят, вымер город, не осталось никого, некому лес валить. В девяносто четвертом за лесом приехали, а в городе никого. – Виктор затушил сигарету в пепельнице и посмотрел на меня. – Ну, ты сам посуди, это как это – никого нет, если в начале девяностых туда молодежь хлынула, не мог целый город вымереть за полгода. Просто не бывает такого в природе.

Я насторожился, вымерший город заинтересовал меня куда больше, чем душещипательная история Виктора о его жене. Конечно, я не был циником в полном объеме, но за последние годы подсох душой, иначе не скажешь.

– Вить, где город-то сам находится? – Но мой собеседник меня не слушал.

– Не прошло и двух лет, как Зинка узнала о смерти родителей, сама представилась, ну а дальше ничего интересного и не было. – На этот раз Виктор сам себе налил коньяку и выпил его разом. – А город-то на севере, Саня, далеко на севере, сейчас туда и не добраться, Зинка сама туда рвалась, да почтовые перестали летать, а по суше и нечего думать, не доехать туда, дойти-то можно, но для того идти надо не одну неделю, а то и поболее, через тайгу непролазную. Ты бывал в тайге, Сань? – я кивнул в ответ. – Ну, в таком случае ты в курсе дел и событий. Не дойти до города, вот она и металась тут, а потом тихонько померла, и я помер с ней, да все топчу землю, сам не знаю зачем.

В тот вечер мы о Еже больше не говорили, но в моей голове засела новая занозка, я думал созвониться со Славкой и предложить ему randevу в северную тайгу, дабы покопаться в совершенно новом для нас объекте, с тех самых студенческих пор мы перерыли почти все: заброшенные города, поселки, заводы секретные и рассекреченные. Славка в Казахстане бывал, даже на заброшенных пусковых шахтах для стратегических межконтинентальных ракет. Однако в нашем арсенале не имелось города, в котором исчезло все население враз. Да я и не думаю, что такая возможность кому-либо выпадала в жизни, вернее, выпадала, но мало кто проявлял к этому такой интерес, как я, а я был готов выезжать хоть через месяц. Хотя randevу такого рода должно было иметь основательную подготовку, чай, не на соседнюю улицу собирался в магазин за хлебушком. В те дни я еще не знал, что Славки уже не было в живых.

Глава 4

В это утро вставать было особо тяжело, невеселые мысли предыдущего дня выбили меня из обычной колеи. Я с трудом оторвал голову от подушки и посмотрел на часы, было уже почти одиннадцать, проспал два лишних часа. Тяжело встал с кровати и направился к двери, разобрал баррикаду и двинулся к ванной, воды, конечно, не было, но присутствовала привычка умываться именно там. Керамическая плитка частично отвалилась от стен и валялась на полу, зеркало все еще висело над умывальником, и можно было лицезреть свое обросшее лицо на фоне в стиле Сайлент Хилл. Я не брился уже неделю, и на подбородке красовалась добротная щетина. Совершив утренний моцион, решил не завтракать и отправиться сразу на лесопилку. Взял карабин и проверил наличие патронов в магазине, на меня из черной коробочки смотрело восемь смертельных жал калибром семь шестьдесят два, особый усиленный патрон с маркировкой пятьдесят два. Охотиться я тут не собирался, да и вообще не любил это дело, карабин придавал мне уверенности в этом забытом богом месте.

Мне было лет пятнадцать, когда отец решил меня взять впервые на охоту. Выбора у меня особо не было, и я смиренно отправился с ним в двадцатиградусный мороз в лес, дабы выследить там зайца и прошить его дробью насквозь, или лося, если повезет, но там в дело вступал карабин, звук выстрела которого напоминал раскат пушечного залпа. Мы выехали куда-то в область, сейчас уже и не припомнить – в маленькую деревушку к другу отца, такому же заядлому охотнику. Для начала мужики посидели в небольшом домике из мощного сруба с русской печью, подогрели кровь водкой и вышли на тропу охоты. Я плелся за отцом по непролазному снегу, то и дело проваливаясь по пояс, в руках у меня был карабин, та самая «Сайга», что согревала мою душу в нынешнее время. Мы шли часа два, а то и больше, по чести сказать, мне уже в то время было неинтересно, наткнемся мы на дичь или нет. Наконец отец и его друг начали двигаться как-то по-особенному, они почти сели в снег, ружья были сняты с предохранителей, как старые заядлые охотники, они почти одновременно почували дичь. Где-то недалеко впереди я заметил зайца, он прижался к молодой тоненькой ели и даже не смотрел в нашу сторону, очевидно, животные инстинкты отказали ему в самый ответственный момент его жизни. Отец резко вскинул ружье и дал залп, дробь почти начисто срубила ель, но не повалила ее, заяц рванул с места, тут же раздался второй выстрел отцовского ружья. Белое пушистое тельце оторвалось от земли, взлетело сантиметров на пятьдесят, разбрызгивая алую кровь по белоснежному покрывалу, и грузно приземлилось. Отец встал и медленно пошел к зайцу, я побрел за ним. Я видел капли крови на снегу, и мне стало как-то не по себе, я будто чувствовал ту жизнь, что только что оборвалась, бессмысленно, ради удовлетворения каких-то животных инстинктов хищника, у которого и особой-то надобности в пище не было. Очевидно, в прошлой жизни я жевал травку на лугу с собратом того зайца, чьи внутренности разбросало по снегу. То ли расстояние было мало, то ли отец, набивая патрон, уложил в него много пороха или дробы, но зайца разворотило почти пополам. Отец погрузил руку куда-то в снег и вытащил из него маленькую тушку животного, с которой все еще капала кровь на белый, как покрывало, снег. Дробь кучно легла аккурат посередине зайчишки, позвоночник вывернуло и раздробило, внутренности все еще вываливались из него, именно в тот момент я понял две вещи – я не охотник и ни за что не буду есть этого зайца, каким вкусным он ни был. Надо сказать, что зайчатину я вообще с тех пор не люблю и ни разу не ел в своей жизни...

...Я вышел из обычной хрущевки уже в двенадцатом часу. Солнце светило достаточно ярко и дарило мне свое тепло. Ощущение невероятного одиночества не покидало меня, я будто остался в этом мире совсем один, и это солнце светило только для меня одного, и луна восходила только для меня. Хотелось достать из кармана сотовый телефон, позвонить кому-нибудь, чтобы меня забрали отсюда как можно быстрее, но я знал, что это невозможно, да и было

ли это подлинным желанием, я не был уверен. Город Еж был своеобразным местом, в центре высились четыре хрущевки в пять этажей, меж ними тянулась центральная улица, прямая, как лезвие римского меча. Чуть поодаль улочки уже не были заасфальтированы, по обочинам тянулись заборчики, за которыми прятались частные домики. На северо-западе города располагался небольшой магазинчик, добротнo построенный, видимо, еще в сталинские времена, именно там торговали теми самыми японскими вещичками, о которых говорил Виктор. В магазине я побывал в первый же день, здесь я отметил чуть большую разруху, нежели в квартирах и домах Ежа. Поначалу я решил, что тут похозяйничали дикие животные, но мешанина следов от тяжелых ботинок в пыльном полу говорила о том, что здесь побывал человек, и побывал он тут уже гораздо позже того самого знаменательного девяносто четвертого года.

Я хорошо помню тот самый первый день, когда я вышел из тайги на улицы Ежа. Мой маршрут был просчитан до мелочей, рассчитан до самой последней секунды моего пребывания в пути, и я не выбился из графика, мне удалось добраться до этого города точно в срок. Я ехал на своей «Хонде» до последней дороги, по которой мог пробраться мой уже не новый «Элемент». Я съехал в лес и запарковал маленький внедорожник так, чтобы его не было видно с дороги, как-никак мы живем не в Европе, и вот так бросить машину посреди дороги не выйдет (хотя дорога и была заброшена), ибо через недельку ее разберут по запчастям даже в самой непроходимой глуши. Дальше начинался непроходимый бурелом, иной раз мне казалось, что я выбиваюсь из графика, так как путь оказался намного сложнее, чем я думал. На пятый день своего путешествия я наткнулся на браконьеров, глушивших рыбу динамитом в реке. Это были два дедка лет эдак под восемьдесят, и было ясно, что глушат они тут рыбу годов с пятидесятих. Картина была еще та, я, грязный и потный, в сотнях километрах от цивилизации набредаю на двух мужиков с запаленными динамитами. Я, конечно, шел на звук взрывов, но они-то никак не ожидали встретить в этой глуши живого человека.

– День добрый, – я вышел к берегу реки, вернее, к маленькой бухте, что была образована поворотом огромной массы воды по скальной местности. Любая пауза в монотонном пешеходстве радовала меня, и я нисколько не сомневался в своей безопасности.

– Здорово, мил человек, – один из дедков не растерялся, но, мягко говоря, насторожился. Я обратил внимание на два карабина, лежащие неподалеку от них, и перехватил свой покрепче, все-таки в этой глуши могло произойти все что угодно.

– Как улов? – я извлек сигарету из пачки с намерением прикурить ее.

– Клюет нынче не очень, – ответил все тот же дед, – что ты тут потерял, городской ты наш? – Он как-то хитро прищурился, и я заметил, что дедок слегка придвинулся к лежащим неподалеку карабинам, я, конечно, не спец в оружии по известным причинам, но кажется, один из них был «Вепрем», а вот второй – явно отголоском военного прошлого, оставшимся как трофей после Второй мировой.

– Направляюсь я в Еж, слышали про такой? – я выпустил первую струю дыма, давая понять, что вовсе не агрессивно настроен и к рыбнадзору не имею никакого отношения.

Дед усмехнулся и посмотрел на своего напарника по браконьерству.

– Делать тебе нечего в тех местах: или сгинешь навсегда, или не дойдешь. Километров сто тебе еще шагать, не меньше, за перевалом, – он махнул в сторону гряды гор, что была видна с берега речки, – непролазная тайга, дикий зверь не пройдет, не то что городской пижон, да и гряды перейти надобно. Гиблые места там, сынок, не суйся и цел будешь, а сунешься – пропадешь. Наш брат туда не захаживает, а тебе и подавно там дела нет.

– Есть ли дело у меня там или нет, я сам разберусь, а за совет спасибо. – Я спиной начал пятиться в лес, не спуская глаз с дедов, один из которых так и остался безмолвным истуканом. Карабин я держал наготове и мог бы пустить его в ход в случае необходимости, но такого случая, хвала всевышнему, не представилось. Погрузился в зелень леса, развернулся и пошел

быстрым шагом прочь, через несколько секунд я услышал первый взрыв, браконьеры вновь взялись за свое.

В Еж я пришел рано утром. Предыдущую ночь я провел в полукилометре от него, даже не подозревая об этом. Река, режущая тайгу, как нож масло, делала у самого Ежа резкий поворот и заворачивалась в причудливую дугу, похожую на греческую омегу, в этой самой дуге город и стоял. За десятилетия отсутствия людей небольшой отвал, удерживающий воду, начало разрушаться бурными потоками, и городу угрожала серьезная опасность быть смытым в один из сезонов половодья. Думаю, жить ему оставалось не больше лет пяти. Первое, что я увидел, был изгиб реки, упирающийся в этот самый отвал, он уже почти целиком был скрыт водой, несмотря на сезон. Лето в этом году выдалось жарким и на редкость сухим.

– Вовремя я! – я сам не заметил, как сказал это вслух, присев прямо на землю, я закурил, глядя на бурные воды реки. Момент стоил того, чтобы сделать паузу, предвкушение чего-то неизведанного будоражило мою кровь, я слишком долго добирался сюда, чтобы смазать радость моего прибытия в город. Надо сказать, что это была определенная традиция, доходя до объекта моих исследований, я останавливался у его границ и выкуривал сигарету, во времена походов со Славкой мы опрокидывали по двадцать пять граммов коньячку, а вечером, переполненные эмоциями, допивали флягу до конца, рассматривая фотографии, сделанные накануне.

Выкурив сигарету, я встал и направил свои стопы в Еж – город, население которого в далеком девяносто четвертом исчезло в один миг. Я усмехнулся, не верить Виктору у меня не было оснований, но и люди не исчезают бесследно. Конечно, эта история будоражила мое воображение, мне даже хотелось верить, что именно так все и было, я хотел найти доказательства тому, но какая-то рациональная, цифирная часть моего мозга настойчиво строила иную версию. Эта самая часть была почти уверена в том, что случился некий катаклизм, скажем, людям не хватило в ту зиму продуктов для пропитания, и они двинулись к большой цивилизации через морозную тайгу, где все и замерзло к чертовой матери. Мой мозг мог долго мусолить различные рациональные теории, чем он и занимался на протяжении всего моего пути в Еж, но все это было не более чем насилие собственной головы, мне нужны были доказательства, за которыми я и пришел сюда, мало того, я был намерен выяснить, куда именно и по какой причине это самое население кануло в лету.

Я вошел в город первым человеком с девяностых, мой взгляд цеплялся за каждую мелочь, за каждую деталь. Асфальт давно пришел в негодность, козырьки хрущевок обрушились, окна в домах по большей части были выбиты – долгое отсутствие человека сказалось буквально на всем. По обочинам и у дворов частных домов стояли проржавевшие машины, в своем большинстве это были военные уазики. Особый дух этого места начал пропитывать меня, именно за этим я шел в этот город.

Через полчаса я набрел на местный «супермаркет», о котором был наслышан. Как это ни странно, окна были целы в количестве двух штук, правда, дверь прогнила и висела на одной петле. Это было одноэтажное здание, когда-то выкрашенное в белый цвет, сейчас штукатурка растрескалась и пообсыпалась, но остатки былой роскоши все еще были заметны. Я аккуратно отодвинул дверь в сторону, единственная уцелевшая петля еле ворочалась, моя нога уже ступила на деревянный пол магазина, когда я резко остановился. На дверях, видно, когда-то висел обычный навесной замок на двух скобах, обе скобы были сбиты, замок валялся тут же, на крыльце, он сильно проржавел, но на нем можно было разобрать следы сильных ударов. В стене рядом с дверью виднелось пулевое отверстие. Я присел на корточки и взял замок в руки, он был сильно деформирован, и то, что я принял раньше за удары, было ничем иным, как следы от пуля.

– Вот те раз! – Я частенько говорил вслух, когда путешествовал в одиночку, долгое отсутствие общения с живыми людьми сказывалось на мне. Двух браконьеров, что я повстречал

накануне, в расчет можно не брать, они, конечно, были живее всех живых, но общение с ними не принесло особого удовольствия. Я не нуждался в светских беседах, но в собеседнике хотел видеть адекватного человека, не хватящегося за карабин при малейших подозрениях.

Повертев замок в руках, я положил его на то место, где нашел. С первых же шагов в Еже я наткнулся на нечто, что не вписывалось в теорию Виктора, но с легкостью вписывалось в мою. Очевидно, у людей все-таки закончились припасы, голод довел их до штурма магазина с применением огнестрельного оружия. Хотя в каждой очевидности есть неочевидные вещи. Я подошел к окнам, решеток в рамах не было, к чему было выбивать дверь, стрелять по замкам, наделать столько шума, когда легко можно было влезть в окно? Да и лесорубы получали не так мало наличных, чтоб им не хватило на зиму денежных запасов. Думаю, каждый из них был микромиллионером, тратить деньги в этой глуши было просто не на что, а люди работали здесь поколениями. Каждый мой новый вывод порождал сотни новых логических цепочек, я решил отложить их на потом. Скажем, на вечер, за кружечкой горячего черного чая их можно было покрутить, совмещая разные грани, приходя к новым неожиданным заключениям.

В магазине я ожидал встретить погром, перевернутые стойки, обрушенные полки, муку, рассыпанную по полу – в общем, классический сюжет. Деревянный пол под моими ногами не издал ни единого скрипа, доски были настолько добротны подогнаны и отшлифованы, что спустя десятилетия выглядели как новые. Внутри погрома я не обнаружил, стойка продавца расползлась прямо напротив двери, все полки были на местах, справа стоял огромный двухстворчатый холодильник, к нему примыкала холодильная витрина. Магазин выглядел так, будто все еще работал, если, конечно, не обращать внимания на толстый слой пыли, который покрывал все горизонтальные поверхности. Меня удивило отсутствие следов диких зверей, обычно они растаскивали все, что было оставлено людьми, и делали это, мягко говоря, не заботясь об аккуратности.

– Вот те два! – Я был немало удивлен порядку, царящему в магазинчике. Но и увлекаться разговорами с самим собой не стоило. После получасового обследования помещения я убедился в несостоятельности своей теории насчет внезапно наступившего голода в Еже. Под стойкой имелось несколько мешков с мукой, она, конечно, почернела и густо пахла сыростью, но я был уверен в том, что в девяносто четвертом мука выглядела гораздо лучше. В ящичках, на полочках, во всевозможных закуточках я обнаружил немало съестного, но меня поразило другое – полное отсутствие консервов и подобных продуктов. Но в не меньшей степени меня поразила сохранность той же самой муки, в ней отсутствовали ползучие гады, ее не атаковали личинки, ее не потревожил дикий зверь, словно мука была отравлена и зверье чувствовало это. Легкое чувство тревоги не покидало меня. В Еже что-то было не «так», я даже улыбнулся этой мысли, конечно, население его исчезло, да, магазин вскрывали с помощью огнестрельного оружия, но, помимо всего этого, Еж был пропитан «странностями». Я никогда не был склонен к мистике и сейчас не строил мистических теорий, всему должно быть рациональное объяснение. Те же консервы наверняка прихватил с собой тот, кто вскрыл магазин, найти объяснение тому, что продукты не были тронуты животными и насекомыми, я не мог, но, в конце концов, я и не был биологом, чтобы строить теории на этот счет, я просто принял это как слегка странноватую данность.

Я вышел из магазина и направился к ближайшему частному дому, что был через дорогу. Калитка оказалась не заперта, что немало меня порадовало. Несмазанные петли пронзительно заскрипели, разрывая окружающую тишину, дверь поддавалась с трудом. Дворик размером метра четыре на четыре полностью зарос травой по пояс, не осталось даже тропинки, ведущей к дому. Слева от калитки были мощные ворота для машин, за ними стоял полусгнивший УАЗ, борта которого почти полностью были скрыты растительностью. Подле калитки стояла конура с прикрепленной к ней цепью, цепь оканчивалась массивным ошейником, который валялся у моих ног, в самом же ошейнике покоился скелет крупного животного, очевидно собаки. Я

осторожно склонился над ним, животное было приковано к будке до самых своих последних дней, думаю, это была весьма мучительная смерть от жажды или голода. Под скелетом видны были следы борьбы за жизнь, собака рвала землю когтями в надежде порвать цепь, удерживающую ее. На самой цепи виднелись следы от зубов, зубы же собаки были изжеваны до самых корней. Я содрогнулся при одной только мысли о том, что здесь происходило шестнадцать лет назад. Собака, брошенная своими хозяевами, пыталась сорваться с места, чтобы найти себе пропитание и питье, но попытки ее были тщетны, и она нашла смерть на привязи.

Я прошел к дому, в надежде разузнать, куда подевались люди, те самые хозяева, что обрекли свою животину на страшные муки. Дверь в дом была открыта, и я легко проник внутрь. В предбаннике я обнаружил одежду, не тронутую своими хозяевами. Убранство самого дома говорило о том, что покидали его в спешке: в большой комнате, служившей хозяевам гостиной, стоял японский телевизор, покрытый толстым слоем пыли, в кресле перед ним я обнаружил газету с телепрограммой на шестнадцатое сентября тысяча девятьсот девяносто четвертого года. По крайней мере, я уже знал, когда дом, а может быть, и весь город был оставлен жителями. Правее кресла, в котором, возможно, восседал глава семейства, стоял овальный обеденный стол, накрытый и готовый к трапезе в далеком девяносто четвертом. Я заглянул в тарелки, когда-то они были наполнены едой, теперь же нетронутый ужин (почему-то мне казалось, это был именно он) полностью сгнил. Его так же не тронуло дикое зверье, которое должно было хлынуть в город, как только его оставил человек.

– Вот те три! – Я приставил карабин к столу и присел рядом на стул, рука автоматически потянулась к пачке сигарет. Надо бы поменьше курить – мелькнула в голове мысль, иначе дней через пять можно будет переходить на бамбук.

– Итак, что мы имеем? – говорил я вслух, я сильно нуждался в собеседнике, коего не имел, звук моего собственного голоса в этой загробной тишине успокаивал меня и давал возможность осмыслить все то, что мне довелось тут обнаружить. – Магазин полон продуктов, так что голод отменяем. – Выпустив дым под потолок, я сощурился, разглядывая его, он кружил и перетекал из одной формы в другую, подобно моим мыслям в голове. – Магазин вскрыт, консервы исчезли. Пропали ли они до того, как его вскрыли или после, неизвестно, да и не важно. – Я докурил сигарету и потушил ее прямо в тарелке. – Жители, по крайней мере одного дома, покинули его, не успев доесть ужин и досмотреть свою любимую мыльную оперу или передачу. Мало того, эти садюги оставили на привязи собаку, которая издохла дней этак через пять, а то и больше в голодных муках. – Я встал со стула и прошелся по комнате, мне уже не важны были детали, я понимал, что дом оставлен в считанные минуты и все то, что я тут видел, лишь подтверждало это. В голове вырисовывалась интересная картина. Я словно перенесся на шестнадцать лет назад, в середину сентября, я присутствовал в комнате незримым наблюдателем из будущего. В углу работает телевизор, крепкий мужчина сидит в кресле напротив и читает газету в надежде найти что-нибудь посмотреть на вечер, он уже поужинал, и его тарелка лежит в раковине на кухне. За столом сидит его сынишка лет двенадцати и нехотя доедает жаренный на сале картофель с луком. Жена сидит рядом с сыном и подгоняет его, ее тарелка уже почти пуста, а вот сын никак не доест, а она хочет быстро помыть посуду и на том закончить с домашними делами на вечер. Она хочет расположиться на том диване, что примыкает к стене слева, и посмотреть то, что выберет ее муж, а может, она хочет поторопить сына для того, чтобы успеть повлиять на выбор мужа. Сын не капризничает, он знает, что капризами он привлечет внимание отца, и тогда ему может не поздоровиться, но и спешить с ужином он не собирается. Под потолком горит старенькая люстра, но на ней нет ни грамма пыли, так как в этом доме идеальная хозяйка. Желтый свет струится по комнате, наполняя ее приятным теплом, сентябрь в этих местах достаточно суров, и по ночам температура уже близка к нулю. Внезапно во дворе начинает ожесточенно лаять собака, она надрывается, звенит цепь, натянутая до предела. Свет под потолком гаснет, комната погружается в кромешную тьму, и тут же

яркой вспышкой свет загорается вновь, но гостиная уже пуста, во дворе продолжает надрыгаться собака. Город умер в одно мгновение, и ее никто не слышит. Я моргнул и вижу комнату спустя шестнадцать лет, на столе две тарелки со сгнившими остатками еды, на кресле лежит пожелтевшая газета с телепрограммой. Толстый слой пыли, и ни единого следа пребывания человека. Вопросов становилось все больше и больше, а вот ответов на эти самые вопросы я не получал.

Я взглянул на часы и обнаружил, что время начало подкатывать к пяти вечера, мне надо было найти жилье на всю неделю, что я рассчитывал провести тут. Через неделю меня ждал обратный путь, и я надеялся, что припасов мне хватит на всю дорогу, в противном случае придется охотиться, что я крайне не любил, но выбирать между голодной смертью и охотой не приходилось. В каждом человеке живет жестокий хищник, готовый ради своего выживания применять не только силу, но и свой разум, именно потому мы превалируем над неразумными тварями, населяющими наш зеленый шарик.

Через час я нашел славную квартирку в хрущевке с уцелевшей дверью, которую в последующие ночи регулярно баррикадировал. Надо сказать, что все убранство в этой двухкомнатной квартире говорило о том, что хозяева покинули ее так же спешно, что и люди из того самого частного дома, в котором я побывал. Тут не было накрытого ужина, но присутствовала разостланная постель со смятыми и покрытыми пылью подушками. Будто хозяева спали в тот момент, когда случилось нечто, заставившее их уйти из Ежа.

Глава 5

На пятый день своего пребывания в Еже я обнаружил недурственный склад припасов. Здесь были продукты в виде различных солений и консервов, также я обнаружил три новеньких и смазанных ружья с полным боекомплектом, которого бы хватило на месяц непрерывной пальбы, и три новых карабина, укомплектованных в той же серьезной степени, что и ружья. В тот момент я понял, что задержусь в Еже на куда более длительный срок. Кто был владельцем этого склада, для меня осталось загадкой. Я обнаружил его в одном из частных домов, от остальных его отличали лишь размеры. В доме было два этажа, с достаточно большой мансардой, большой двор и наличие в гараже, помимо УАЗика, вездехода. По моему разумению, тут жил староста либо какой-то управляющий. И запасы, что я обнаружил, предназначались населению в случае крайней необходимости.

Я продолжал строить различные теории по поводу исчезновения населения Ежа, но, к сожалению, в голове не возникало ни одной светлой мысли. Вспоминалась история в устье реки Туры, где исчезла небольшая деревушка. Славка ездил туда в одиночку, и без труда выяснил, что на деле деревня состояла из одного двора, все остальные жители либо умерли, либо разъехались по родственникам. Последний дед, что остался в деревне, попросту преставился, и населенный пункт перестал существовать, не сохранилось даже названия.

Я крайне надеялся на то, что мне не придется лицезреть братскую могилу жителей города, но подобная вероятность существовала. Правда, до сих пор я не обнаружил ни одного труп, хотя облазил почти весь город вдоль и поперек.

Мысли, мысли, мысли, они бродили в моей голове уже не столь ровными колоннами, как это было в первый день моего пребывания в городе. Нет, мой рассудок не помутился ни в коей мере, однако отсутствие людей, живого общения и гнетущая обстановка Ежа сбивали меня с толку. Я уже готов был поверить в то, что в один из прекрасных дней, а именно шестнадцатого сентября тысяча девятьсот девяносто четвертого года, перед тем самым магазинчиком приземлилась тарелка с зелененькими человечками на борту. И эти самые зелененькие братья по разуму, а может, вовсе и не братья, забрали жителей города с собой, дабы поглумиться над их физиологией с помощью хирургических приспособлений. Или, наоборот, сделать их богами на своей далекой Альфа Центавре.

Славки чертовски не хватало мне в нынешнее время, и я все чаще и чаще вспоминал о нем. Ранее я бывал в длительных кампаниях в одиночку, и я не могу сказать, что это хоть как-то сказывалось на моем рассудке. В Еже было все иначе, здесь каждый квадратный сантиметр казался мне враждебным, каждый миллиметр хранил вселенские тайны. Все это сводило меня с ума, и я порой начинал опасаться того, что сам сгину в этом проклятом месте...

...Седьмой день. Я стою перед массивными воротами лесопилки, дорога здесь асфальтирована, но даже это не спасло ее от вездесущей растительности. Градообразующее предприятие Ежа, построенное в далекие, еще дореволюционные времена. В те годы лес сплавляли по реке, обработанные же доски пускали пароходами. В советское время торговать лесом стали с японцами, сплав по реке прекратился и начался его массовый вывоз грузовиками, каждую зиму без остановки между Ежем и Екатеринбургом, в те времена Свердловском, сновали грузовики, а уже из столицы области ценный груз отправлялся за границу. Здесь я надеялся найти ответы на свои вопросы.

Ворота были открыты, и я без труда попал на внутренний двор, как и во всем городе, здесь царил полное запустение. Несколько ГАЗиков шестьдесят шестых стояли у небольшого ангара, сделанного из оцинкованного листа. Чуть поодаль раскорячился мощный УРАЛ, он был в несколько лучшем состоянии, нежели его собратья по несчастью, думаю, при определенном желании его можно было даже завести. Пара вездеходов красовалась здесь же, очевидно,

лесорубы передвигались по тайге именно на них, это были мощные ГАЗы, на мой взгляд, семьдесят первые, а может, и другой модификации, в этой технике я разбирался слабовато. Дальше шли ангары, сделанные так же на скорую руку, но и в Еже действовало правило: «Нет ничего более постоянного, чем временное». Видимо, в этих ангарах располагались сами цеха лесопильни. Почти на самом въезде я увидел синенькое одноэтажное здание с решетками на окнах, подозреваю, это и было управление, а возможно, и бухгалтерия в одном лице. Я направился прямо к нему: если где и была документация последнего периода, то она должна была быть там. Что немаловажно – официальная документация, которая могла пролить свет на последние дни существования города. Дверь, как и многие двери в Еже, была не заперта, чему я немало подивился, как-никак строитель здания взял на себя труд установить решетки в окнах, но кому они нужны, если двери тут вообще не запираются. Хотя я не совсем прав, двери магазина были когда-то заперты, их просто взломали бесцеремонными выстрелами в упор.

Внутри управления стоял тяжелый воздух, за все эти годы его не коснулось свежее дуновение ветерка. Однако, в отличие от всего виденного мною ранее, тут прогулялся кто-то похлеще ветерка. Столы были перевернуты, бумаги разбросаны по полу. В углу стоял огромный стационарный сейф, времен Николая второго, чуть выше двери сейфа на небольшой плашке красовались цифры изготовления, это был тысяча девятьсот третий год, и фабрика-изготовитель, название прочесть было невозможно, буквы за время поистерлись. На самой же двери красовались четыре достаточно свежих следа от пуль, пару дыр от коих я обнаружил в соседних стенах, похоже, это был карабин. Два других отверстия я не нашел, возможно, срикошетившие пули застряли в мебели, а я не был экспертом, прибывшим на место преступления, и желания искать их не было. Меня интересовали совсем другие детали, кусочки прошлого, которые позволили бы мне восстановить картину произошедшего целиком. Но чем больше я находился в Еже, тем больше понимал, то, что тут произошло, не поддается никакой логике, это выходило за рамки реальности, и я опасался того, что до сути мне не докопаться. Я покопался в бумагах, но ничего интересного не обнаружил, отчеты, сметы, расчеты по зарплате, по сути, одна документация, которая обрывалась цифрой шестнадцатое сентября. Хотя кое-что тут было, записи о том, что посыльный вертолет в этом году весьма задерживается и лесопильня не может получить комплект ремдеталей для того, чтобы запустить один из цехов, вышедший из строя еще зимой. Так вот этот самый вертолет должен был прилететь в двадцатых числах сентября. Весьма странная история, надо сказать, с этими летчиками-вертолетчиками. Вертолеты летали из города Инта – единственного крупного города на этой линии. До Ежа воздухом лететь было порядка двух часов, естественно, линию закрыли, как только Еж пропал с карт земли, но летчики-то остались, и именно с ними я собирался поговорить еще загодя, до своего путешествия в заброшенный город. Однако я не смог найти ни одного человека, который был знаком с этими людьми, будто они никогда и не летали в Еж. Ничего толкового мне не удалось добиться и от начальника станции, тот разводил руками и ссылался на пропажу документов тех времен в сгоревшем архиве. Так что мне не удалось поговорить с теми людьми, что снабжали Еж посылками да продуктами. Сейчас же мне стало хоть чуть-чуть, но ясно, почему от меня скрывали эту информацию. Вертолет в Еже был уже после того, как исчезло его население, дату исчезновения я, можно сказать, знал доподлинно. Что увидел здесь летчик? Почему это так старательно скрывали, я не знал. Но все эти вопросы лишь разогрели мои неуемные аппетиты любопытства. Я готов был носом рыть землю, лишь бы узнать, что тут произошло и что произошло с тем пилотом, который побывал в этом городе в первые дни исчезновения его населения.

Я уже было собрался уходить с лесопильни, обремененный новыми вопросами, когда, как в классике жанра, обнаружил синенькую тетрадь, весьма пошарпанную. В тетради велись различные записи о неполадках, а также записи о том, как эти самые неполадки решались в течение времени. Здесь была уделена строчка и тем самым запчастям, которые должны были

доставить вертолетом, но она меня мало заинтересовала. Я обратил внимание на последнюю запись, она была об экстренной остановке всех цехов ввиду отсутствия подачи охлаждающей жидкости, а именно воды. Поступление коей прекратилось шестнадцатого числа утром, странное совпадение, не правда ли? По крайней мере, эта зацепка наводила меня на следующую цель, коей была водонапорная станция, располагавшаяся в полукилometре от лесопилки. Станция стояла на берегу небольшого искусственного водохранилища. Сегодня я уже туда не попадал, так как время неумолимо приближалось к вечеру, а быть застигнутым ночью на улицах Ежа мне не очень-то хотелось...

Глава 6

Солнце быстро садилось за горизонт, окрашивая верхушки деревьев в красные тона. В этот момент тайга была особо неприветлива, у подножий лесных гигантов становилось холодно и темно, казалось, за каждым деревом может скрываться нечто ужасное, желающее отвесть трепещущей молодой плоти. Оглушающая тишина поглощала все вокруг. Дневные жители леса спешили в свои ночные укрытия, ночные же медленно выползали на охоту, так было заведено и сотню лет назад, и присутствие в тайге маленькой группки людей ничего не могло изменить в этом огромном диком мире.

Юля собрала теодолит, водрузила на плечо треногу и пошла в сторону лагеря. Боря каждое утро указывал координаты их ночного стойбища, он выбирал места повыше и посуше, иначе они рисковали быть съеденными комарами за ночь. Эти мелкие твари были повсюду, в тот короткий сезон, что был им отведен для жизни, они заполняли каждый квадратный сантиметр, но хуже всего была мошка, от которой можно было спастись, только густо намазавшись кремом от кровососущих монстров.

Она включила рацию, чтобы было не так страшно идти к лагерю. Сумерки быстро сгустились, что совсем не радовало ее буйное воображение.

– Женька, ты где топаешь? – Она бы не отказалась от сигареты, но о ней приходилось только мечтать до лагеря.

– Я в лагере, – сквозь треск помех послышался голос подруги, – ужин тут делаю, пока ты прогуливаешься.

– Мальчики с тобой? – Юля позавидовала своей подруге, которая уже добралась до нужного места, сидела у костерка и вскрывала банки с тушенкой, собственно, готовка ужина тем и ограничивалась.

– Сандаль тут, Боря где-то там с тобой бродит. – Она сделала акцент на последних словах, будто у Юли с Борей было свидание при свете заходящего солнца в окружении зудящих комаров. – Чем это вы там занимаетесь на пару?

– Покурить бы, комары заели, – сигаретный дым хоть ненамного, но спасал от кровососущих гадов, крем, что она мазала еще утром, как-то плохо защищал вечером. Спасительный тюбик с репеллентом оставался в большом рюкзаке Миши, который сейчас находился где-то рядом с Женей.

– Бросай курить, подруга, вставай на лыжи, я тут кремушкой намазалась, и порядок. – Женя никогда не курила и не понимала курящих людей, вдыхающих в себя эту заразу и страдающих, когда этой самой заразы не было между пальцев.

– Брошу, но не сейчас, – огрызнулась Юля, где-то она завидовала подруге, у которой уж все получалось легко и непринужденно. – Я уже вижу вас, скоро буду.

Среди деревьев метрах в ста от нее замелькало беспокойное пламя костра, который развел Миша в центре лагеря. Огонь отпугивал ночных хищников и в то же время согревал их по ночам, все-таки ночи в этих краях были холодными, несмотря на то, что утром было жарко и температура порой поднималась до плюс тридцати. Юля ускорила шаг, каждую секунду тьма становилась плотнее, и ей совсем не хотелось, чтоб она поглотила ее в лесу. Возникло ощущение, будто кто-то идет за ней по пятам, такое иногда бывает, когда ночью после кошмара встаешь в туалет, сознание медленно всплывает в мир реальности. Выходишь из туалета, и ослепительный квадрат света разрывает темноту, поглотившую квартиру, и понимаешь, что свет сейчас погаснет и тебе в темноте придется идти по длинному коридору до спальни и только там мягкое и теплое одеяло спасет тебя, окутав со всех сторон. Свет гаснет, сначала медленно и тихо ты крадешься по коридору, чтобы не разбудить домашних, но тьма за спиной становится осязаемой, она уже подбирается к тебе, и ты чувствуешь, еще секунда, и тебе не выбраться из

нее, не добраться до спасительной кровати. Шаг ускоряется, все быстрее и быстрее, тьма все ближе и ближе, крик ужаса готов сорваться с губ, ты уже топаешь как слон, тебе все равно, разбудишь ты кого-нибудь или нет, главное – это добраться до кровати. Юля уже чувствовала чье-то тяжелое дыхание за спиной, кто-то готов был ее схватить и утащить во тьму, и только жалостливый писк сорвется тогда с ее губ. Она стрелой вылетела на освещенную полянку, которую выбрал для них Боря.

– Ты там привидение увидела? – Сандаль подошел к ней и помог снять с плеча треногу. – Ты куда так разогналась?

– Блин, ребят, было чувство, будто кто-то идет за мной, клянусь, он был за моей спиной! – Юля положила теодолит на землю прямо там, где стояла, какое-то неприятное ощущение незащищенности звенело тонким неприятным звоночком в голове.

– Не пугай меня, – Женя была известной трусишкой, и всякие страшные истории на ночь глядя ее совсем не радовали, – не было там никого, это все у тебя в голове, – она покрутила пальцем у виска, – нефиг ночью по тайге бродить, я еще засветло сюда пришла.

– Юль, я слышал, как ты ломишься через тайгу, кроме тебя, там никого не было! – Миша усмехнулся. – Может, конечно, и был, но крался как вампир, тихо и бесшумно.

– Вы задолбали, хватит пугать! – Женя уже не шутила. – Вы же знаете, не люблю я эти истории с кошмарами, идите есть лучше.

– Боря не пришел еще? – Юля подошла поближе к костру, рядом с ярким пламенем было как-то поспокойнее.

– Не могу с ним связаться, похоже, аккумулятор у его рации сдох, он еще на Большой земле барахлил, заряжался в ползаряда. – Сандаль подошел к своему рюкзаку и извлек из него капитанский ром, который остался у него еще со времен, когда они с Борей работали в окрестностях Владивостока. – Апперитивчик, девчонки? – Он поднял руку с бутылкой рома вверх, привлекая к себе внимание прекрасной половины их экспедиции.

– Жги, Миша, мне как раз не помешает, – Юля плюхнулась рядом с костром и взяла банку тушенки, уже заботливо открытую Женькой. – Где Боря-то потерялся, я видела, как он с точки снялся вместе со мной, – она посмотрела во тьму, которая уже полностью поглотила тайгу, и в свете костра были видны только стволы деревьев, окружающих поляну.

– Сначала заинтриговал вечерними разговорами, теперь в лесу запропал. – Женя капризно надула губки и приняла алюминиевую кружку с ромом из рук Миши.

– Боря – мальчик большой, не переживайте, не потеряется, – Сандаль вручил вторую кружку Юле, – ну что, за прекрасный ужин в самом романтическом месте на земле! – Он поднял свою кружку вверх и, не чокаясь, выпил. – Хороший ром, однако.

Юля и Женя медленно потягивали огненную жидкость, все-таки ром был достаточно крепок и залпом его выпить, как Миша, они не могли. Они быстро прикончили по банке тушенки, и Сандаль плеснул себе рома в кружку.

– Что за разговор-то у него к нам? – Юля взяла сигарету у Миши и закурила, не было ничего лучше в этот миг, чем долгожданная дымящая палочка. Ром приятно согрел внутри, и недавние страхи ушли куда-то за невидимый горизонт. Втроем они полулежали вокруг костра, смотрели в его теплое изменчивое пламя и медленно вели беседу.

– Да так, ничего особенного, – Сандаль решил отмалчиваться, – придет, все сам расскажет.

– Что он там, грибы что ли собирает? – Голос у Женьки был уже весьма захмелевшим, со своими сорока килограммами она могла не пить ром, а просто его нюхать, эффект был бы тот же.

– Ну да, грибы, чем ему еще заниматься? – Миша приподнялся на локте и окинул тайгу взглядом. – Ром скоро подойдет к концу, будем грибы курить для настроения по вечерам. – Он вновь кинул взгляд в темноту.

– Что там, Миш?

– Идет вроде кто-то... – Сандаля встал и придвинул карабин поближе. В этих краях без оружия человек себя чувствовал, как нудист на Красной площади. Миша повсюду таскал с собой принадлежавший еще его отцу карабин. Рос Гео же, в лице начальника их отдела, вручил каждому из них по травматике, с девочками был проведен строгий инструктаж по пользованию оружием, и даже по прибытии «в поле» ими была произведена пара-тройка выстрелов по листикам на деревьях. Ни та ни другая не имели разрешения на ношение травматического оружия, но, благо, в тайге все эти бумажки проверять было попросту некому.

– Боря, наверно? – Женя придвинулась ближе к огню, ее еще в аэропорту Миллениум напугал диким зверьем, обитающим в тайге, и она инстинктивно тянулась к спасительной соломинке.

– Может, и Боря, – Миша снял карабин с предохранителя, его фигура выделялась на фоне костра темным пятном, он был спокоен, но палец на курок положил, – а может быть, и мишутка забрел.

– Хватит жути наводить, – Юлия тоже встала с земли, – Боря топает наверняка, медведь бы шума наделал тут. – Она улыбнулась, глядя на Женьку, глаза последней расширились и стали похожи на два бездонных озера, в которых играли блики горящего пламени.

– С мишками у меня особые отношения, – Сандаля весело усмехнулся, – как-нибудь расскажу вам эту историю.

– Вы б еще красную дорожку мне постелили, – из темноты тайги на поляну вышел Миллениум, – чего повскакивали, это всего лишь я. – Боря посмотрел на Юлю с Женей, потом перевел взгляд на Сандаля. – Я понимаю, девочки напуганы, но ты то, стреляный патрон, чего напрягся?

– Мало ли, был бы один, не напрягался бы, за девчонок страшно. – Миша поставил карабин на предохранитель и опустил его на землю. – Мало ли кто тут шляется по ночам.

– Капитанский, смотрю, распечатали, – Миллениум присел у костра и взял в руки банку тушенки, – наливай!

Миша достал ром и плеснул огненной жидкости напарнику.

– Э-э-э, не, девочкам хватит, – остановил его Боря, когда тот уже было потянулся к кружкам спутниц, – завтра я их собирать по частям не собираюсь, нам придется немного ускориться.

После прихода Миллениума стало спокойнее, Юлия расслабилась и опустилась на начинающую остывать землю. Тайга теперь казалась не такой уж и страшной, все дикое зверье отошло на второй план, и можно было готовиться ко сну.

– Ты с нами о чем-то там поговорить собирался. – Женька тоже расслабилась, вытянула свои аккуратные ножки поближе к огню и посмотрела на Борю.

– В общем так, дамы и господа, новость не сильно приятная, но и плохой ее не назовешь, – он сунул вилку в банку с тушенкой и отправил в рот добротный кусок мяса, – в этих дебрях мы не совсем одни, по чести сказать, раньше меня бы это не взволновало совсем, но нынче ситуация иная.

– В смысле? – Юлия пристально посмотрела на руководителя их маленькой группы, слегка приподнявшись на локте.

– По порядку, – Боря дожевал тушенку и залпом выпил ром, плескавшийся на дне его кружки, – утречком, обзревая окрестности в теодолит, видел дым, километров пять на запад, может, чуть больше. С одной стороны, ничего страшного, с другой – народец в этих краях попадаете разнообразный: от беглых зеков до бабушек божьих одуванчиков, забуряющихся в тайгу на недельку другую грибочки пособирать.

– Ну, бабок мы не боимся, – Женя улыбнулась, – от зеков вы нас спасете, – она бросила недвусмысленный взгляд на Борю, – к тому же до них пять километров, не выйдут ведь они прямо на нас.

– Мы идем медленно, охотники же или браконьеры передвигаются гораздо быстрее, – вмешался в разговор Сандаль, – тут вариантов много, они могли уйти за день дальше на запад или обогнать нас в северном направлении.

– Но и могли перехватить наши переговоры, знаешь ли, девичьи голоса в глухой тайге могут подстегнуть бурную фантазию какого-нибудь отшельника, не видевшего женщину лет эдак пару. – Боря строго посмотрел на девчонок. – Слишком уж бурно у нас кое-кто засоряет эфир, да и не первый раз, когда из-за практиканток возникают проблемы, вспомнить только Алену.

Сандаль громко рассмеялся при одном только упоминании об Алене, собственно, именно этой девице он был обязан приобретенной кличкой в честь ботинка с дырами для вентиляции.

– Я убью тебя, Боря, – проговорил он, давясь смехом, – нельзя же так без предупреждения о ней говорить, это же как контрольный выстрел в голову.

Боря тоже рассмеялся, девочки недоумевавшая смотрели на своих спутников, которые сквозь смех пытались обмениваться какими-то отрывочными фразами, и каждая фраза вызывала новый взрыв смеха.

– Вы чего, ребята? – Женька решила прекратить это бурное веселье, оставившее ее за бортом внимания мужского пола. – Расскажите хоть, в чем дело-то, что за Алена?

Ее вопрос вызвал новую волну смеха, оба покраснели от напряжения, казалось, они сейчас задохнутся от нехватки кислорода.

– Не могу больше, – еле выдавил из себя Сандаль, – не поминай ее имя всеу.

– Подождем минут пять, пусть успокоятся, – Юлия смотрела на всю эту картину, и у нее сама по себе на лице появилась дурацкая улыбка, уж больно заразительно смеялись ребята, она уже предвкушала интересную историю, которой с ними поделится Миша, рассказчик, умеющий погрузить человека в мир своих воспоминаний и оставляющий ощущение просмотренного фильма. Она хотела было вновь закурить, но решила поэкономить сигареты, как-никак, до ближайшего города со странным названием Еж им было не меньше пяти дней пути.

Спустя минут десять ребята успокоились.

– Миш, плесни рома, а? – Боря умоляюще посмотрел на спутника. – Я не хочу жить до трехсот лет, но чувствую, каждое упоминание об Алене продляет жизнь лет на двадцать, надо срочно нивелировать положение в организме.

Сандаль достал бутылку капитанского и налил всем граммов по тридцать, на этот раз Боря не возражал против того, чтобы девчонки выпили с ними за компанию.

– В общем, девочки, о чем я хотел сказать, кто бы тут ни бродил с нами, рации держим включенными весь день, эфир не засоряем, гольшом не скачем, – он выразительно посмотрел на Женьку, та кивнула в ответ, понимая всю серьезность ситуации, – травматику держим под рукой, и главное, если что, сразу орите в рацию «мама».

– И мы прискачем на помощь, как мушкетеры, – Сандаль сделал жест, будто достает шпагу, – ну и спасем вас, никуда не денетесь, – он сделал выпад воображаемым клинком, протыкая невидимого противника.

– Миша временно будет работать на наших точках, пока «соседи» рядом, так что мы будем в пределах досягаемости, тем более завтра пойдет сложная сетка, точки недалеко друг от друга будут, – подытожил Миллениум.

– Ну, расскажите про Алену-то, а? – Юлия с трудом дотерпела до окончания лекции, ее просто распирало любопытство, кто такая Алена и чем она заслужила столь бурные воспоминания.

Сандаль подобрал сухую шишку и кинул ее в Юльку, новый приступ смеха чуть было не свалил его на землю.

– Прекращай, Юль, вспоминать о ней, – Боря улыбался во все свои тридцать два зуба, – это девочка просто бомба, сколько лет прошло, Миш?

– Да лет пять, не меньше, – Сандаль с трудом подавил смех, лицо его покраснелось, на глаза навернулись слезы, – такая же практикантка, как и вы, только из института выпустилась с горячим дипломом и сразу в «поле».

– Да-а, Мише в тот день повезло, не окажись он в конторе, бомба пролетела бы мимо, но, видимо, не судьба. – Миллениум расслабленно развалился на своем спальнике, земля остывала все быстрее и быстрее. – Оденьтесь, девчонки, нам еще не хватало возиться с вами сопливыми. – Он окинул их критическим взглядом, обе все еще были в шортах и обтягивающих футболках. – Соблазнять тут все равно некого.

– Как это некого, – кокетливо возразила Женя, – а вы?

– Мы уже старенькие дяденьки, – Сандаль натянул поверх футболки толстый свитер и присел на спальник, который спасал от холода, идущего от земли.

– Ничего не старые, – она была в своем репертуаре маленькой Лолиты, – у нас разница всего-то шесть-семь лет, это даже не разница.

– Ход мысли Алены был таким же, – Боря засмеялся во весь голос.

– Это каким таким же, она к тебе приставала, Миш?

– Да нет, это она думала, что я пристаю к ней, – Сандаль достал сигарету из пачки и закурил. – В общем, прихожу я как-то в контору, а там этакая деваха, килограмм на сто с лишним, в обтягивающих джинсах, стоит с шефом.

– Ого, – растягивая слова, сказала Женька, она достала из рюкзака джинсы и теперь натягивала их поверх шорт, прятаться в палатку для переодеваний ей не очень-то хотелось, и она решила снять шорты позже.

– И знаете, еще такая маечка обтягивающая, видно каждую жировую складочку, – он выпустил струю дыма, погружаясь в прошлое. – Ну, шеф мне и говорит, ты, мол, Миша в «поле» собираешься на пару недель, вот тебе напарник, речку подержать. Я, конечно, пытался отвертеться, но с шефом не поспоришь, напарника действительно не было и таскать рейку было некому. Рванули мы с Аленой прямиком в таежные дебри, надо было прогнать нивелирный ход неподалеку от реки Велюй, это в Якутии, там собирались какую-то дорогу прокладывать. Напарницу свою я проинструктировал, что надо и чего не надо брать с собой, но девица была упряма как стадо баранов, в общем, набила она походный рюкзак по самое не хочу.

– Да вам, мужикам, не понять, что надо, а чего не надо брать с собой девушке в сибирские дебри, – прервала его Женя, – женщина, она остается женщиной в любом месте, сколько бы в ней килограмм ни было.

– Да, да, да, Алена именно так и думала, подозреваю, она скинула пяток килограмм со своим рюкзаком. Одним словом, прибыли мы с ней на место, провели пару-тройку деньков без забот. Мерили высоты, потихоньку продвигались вперед. День на четвертый она мне заявляет, что я копался в ее нижнем белье, мол, я негодяй, фетишист, занимаюсь непотребными делами, пока она тихонько похрапывает в палатке. Естественно, ее нижнее белье совершенно не возбуждало во мне никакого интереса, думаю, оно было похоже на паруса для небольшого морского судна. – Миша улыбнулся и окинул свою аудиторию слушателей быстрым взглядом. – Убедить ее в обратном мне не удалось, в итоге мы с ней сошлись на том, что спать я буду не в палатке, а в спальнике снаружи. Не хотел беспокоить даму со столь богатым воображением.

– Суров ты Миша, – Боря рассмеялся, – думаю, она могла применить к тебе физическую силу и уж тут-то уложила бы тебя на обе лопатки.

– Возвращаемся мы как-то в лагерь, ее рюкзак валяется рядом с палаткой, выпотрошенный до самого доньшка. Белье разбросано кругом, какие-то женские штучки-дрючки, что-то поломано, что-то разорвано, вид ужасный. – Миша сделал паузу, глядя на пляшущее пламя костра. – Алена как завопит, до сих пор правое ухо плохо слышит, развернулась и помчалась на меня, как паровоз по рельсам, с дикими воплями, я уж думал, кранты мне. Но я-то понятия не имел, кто все это учудил, кто разворотил ее рюкзак и почему мои вещи остались нетронутыми.

Успокаивал я ее с полчаса, благо, бегаю быстрее. Следующую ночь она спала снаружи, а я – внутри палатки, бедная девочка думала, что я непролазный извращенец и она одна бедняжка со мной, таким злодеем, в сибирской тайге, где вокруг одни нежилые деревни да поселки.

– Кто рюкзак-то разворотил? – вмешалась Юля.

– Не забегай вперед, – оборвал ее Боря, – слушай дальше, там страсти будут накаляться.

– Я уже мечтал о том моменте, когда мы расстанемся с Аленкой на Большой Земле, – продолжал Миша, – пошли мы с ней на замеры, поставил я нивелир, отправил девочку побегать с рейкой, ну а сам уединился в кустах по маленькому, возвращаюсь назад, смотрю, нивелир на боку валяется. Ну, думаю, дело тут явно не чисто, ставлю нивелир на место, центрую, смотрю в створ, а Аленки нет на месте, рейка валяется в стороне, а девчонка пропала. Тут сердце у меня екнуло, на моей ответственности ведь туристка-практикантка, сгинет в тайге, мне ж голову снимут. Я бегом к рейке, нет ее, ору во всю глотку, тишина. Вдруг шепоток откуда-то сверху, поднимаю голову и вижу эту стокилограммовую тушу на тоненькой березке, на самой ее макушке, как она туда забралась – даже не представляю. Как ее выдержало дерево – тоже трудно сказать, но факт остается фактом, сидит на макушке и ревет про себя.

– Она что, решила фитнесом заняться? – сквозь смех проговорила Женька. – Какое-то место выбрала неподходящее.

– Через час я ее уговорил спуститься, оказалось, эта дуреха увидела медвежонка, испугалась и, как кошка, взлетела на дерево. Как она спускалась, это надо было видеть, я старался, страховал снизу, но она, конечно, подумала, что я этакий рыцарь и хочу поймать ее на руки, и метров этак с двух прыгнула прямо на меня. Как я не сломался пополам, не знаю до сих пор, но, видимо, ангел хранитель мой, силен. Подозреваю, что-то в ее запахе привлекало маленького медведя, вот он и рылся в рюкзаке, а когда осмелел, решил показаться на глаза, но, видимо, не ожидал бедный зверь такой реакции и сам рванул в лес.

– Это еще не конец, – Боря весело посмотрел на своего друга, – давай жги дальше.

– Нарываешься, Боря, я ведь и про тебя могу понарасказывать историй! – Сандаля бросил бычок в костер и продолжил: – Когда мы вернулись в лагерь, там было все вверх дном, все вещи раскиданы в радиусе метров десяти, естественно, вещи не мои, мой рюкзак как стоял аккуратненько в палатке, так и остался стоять. Посреди всего этого бедлама, как в том самом анекдоте, наигравшись, валялся мишутка, видимо, притомился и уснул. Алене уже было абсолютно наплевать, кто раскидал ее вещи по поляне, она точно знала, что тот, кто это сделал, должен быть жестоко наказан. Она кинулась на медвежонка, уж не знаю, что бы с тем было, если б на поляну не вышла его мамочка, а мамочка, надо сказать, была из медведиц не мелких. Материнское сердце сразу почувствовало, откуда исходит угроза, и ринулась медведица наперерез Алене, сердце же Алены подсказало ей, что против мамаша она что комар супротив слона. Через секунду моя напарница красовалась на самом высоком дереве из тех, что окружали поляну. Я же стоял посреди поляны и не мог сообразить, что мне делать дальше, медведица, отказавшись от Алены, решила перекусить мной. Есть, конечно, она меня бы не стала, но после встречи с ней я вряд ли мог бы жить дальше. Потому, недолго думая, рванул я в чащу лесную, по дороге потерял свой ботинок, на коем моя преследовательница сорвала свой гнев. Через час я вернулся к нашему лагерю, Алена все еще сидела на дереве, медвежонка, очевидно, забрала мамаша, надеюсь, она предварительно нашлепала ему по пятой точке, мой башмак валялся тут же, только теперь он напоминал мне сандаля, медведица постаралась, когда пережевывала его. Другой обуви у меня не было, пришлось ходить в разорванном ботинке. Аленка по возвращении на Большую землю плюнула на работу в «поле» и осела где-то на камеральных, да и вообще, по чести сказать, эта работка была не для нее, жир лучше набирать, сидя на стуле. Ну а эти балбесы, – Миша кивнул на Борю, – прозвали меня Сандалем, когда увидели меня в конторе с разорванным ботинком на ноге, напоминающим сандаля. С тех пор эта кличка ко

мне прилипла и больше не отлипала, ну а я каждый раз вспоминаю Аленку и ее лицо, когда она улепетывала от медведя.

– А почему Боря тогда Миллениум? – со всей своей непосредственностью спросила Женька.

Сандаль чуть было не поперхнулся слюной, которая от неожиданности пошла не в то горло, он мельком бросил взгляд на Борю и уже готов был встать между другом и неосторожной «туристкой». Боря холодно посмотрел в сторону Жени, быстро достал сигарету из пачки и закурил.

– Это не тема для обсуждений, – он выдохнул густое облако сизого сигаретного дыма, который тут же был подхвачен легким ветерком и развеян в лесной глуши.

– Да ладно тебе, Борь, столько лет прошло, да и история повеселее моей будет... – Миша улыбнулся и посмотрел на друга. – Если задуматься, ничего страшного в ту ночь и не произошло, акромья твоих планов, – он с трудом увернулся от шишки, которая летела ему прямо в голову, и засмеялся, – не, ну в самом деле, Борис Александрович, поведайте нам, вечер располагает к откровениям!

– Да нечего тут рассказывать, девочки, вышло так, что в...

– Тпруу, – прервал его Миша, – ты так всю историю испортишь, надо с чувством, с толком, с расстановкой, именно так мне твердила моя учительница по русскому и литературе. Кто же так истории рассказывает?

– Краткость – сестра таланта, – парировал Боря, – если желаешь, можешь поведать сам, мне все равно эта история не по нутру, я спать. Всем спокойной ночи! – Боря мигом зарылся в свой спальник и повернулся к ним спиной. – Дровишек на ночь подкиньте, иначе либо волки сожрут, либо замерзнем.

– Приятных снов! – хором ответили они ему.

– Ладно, девчонки, пора баиньки, историю как-нибудь расскажу потом, может быть, завтра. – Он взял охапку дров, что была заранее заготовлена для ночного костра, и кинул ее в огонь.

– Ну, так не пойдет, мой друг, – Юля подошла к нему и стала щекотать, – я тебе спать не дам, пока не расскажешь.

– Оу, дивная перспектива, молодая девушка не даст мне спать всю ночь, это уже начинает нравиться, – он резко вскочил на ноги и стал щекотать ее в ответ, Юля повалилась на землю и зашлась оглушительным смехом. Ей на помощь пришла Женька, которая попросту запрыгнула на широкую спину Миши и впиалась руками ему под ребра.

– Не, ну вы там долго будете продолжать эту оргию? – Боря развернулся в своем мешке и посмотрел на резвящихся напарников. – Давайте по ступам, ведьмочки, Миша, тоже падай в кровать, завтра рано вставать!

Девочки мигом успокоились и отправились напрямиком в палатку, где их ждали два теплых спальных мешка. Миша привычно упаковался в спальник и уже через несколько минут видел седьмой сон. Боря долго не мог уснуть, его тревожило неожиданное соседство то ли браконьеров, то ли грибников, и те и другие могли оказаться весьма лихими людишками, что сулило им немало проблем. Не вовремя их пару с Мишей разбавили женским коллективом, девочкам бы работать где-нибудь в городе, сидеть в теплом офисе да обрабатывать информацию, поступающую с «полей».

Глава 7

Пробуждение этим утром далось мне еще тяжелее, чем предыдущее, ломило все кости, голова туго соображала, куда занесло ее тело. Я с трудом поднялся и окинул свое убежище коротким блуждающим взглядом. Облупившиеся обои, рухнувшие полки и битое стекло, усыпавшее пол, отнюдь не добавили мне оптимизма. Было ощущение надвигающейся болезни, вирус гриппа или еще какой заразы поразил мою кровь и теперь активно атаковал мозг. Ноги с трудом держали меня, похоже все-таки на болезнь, только этого мне не хватало в этом богом забытом месте.

Я разжег газовую конфорку и поставил чайник, надо было срочно что-то делать со своим мироощущением, предболезненное состояние совсем не улыбалось мне. Нужно было сделать чертовски много за сегодняшний день и за пару последующих. Я твердо знал, что докопаюсь до истины в скором времени, и чертовски желал иметь здоровую и ясную голову на тот момент.

Покопавшись в вещмешке, я извлек из него пакет растворимого зелья, которое обещало поставить на ноги любого гриппозника за считанные секунды, никогда не верил рекламе, но эта зараза действовала, несмотря на мое неверие.

Закипел чайник, изрыгая из своего носика облако пара, я налил кипятка в походную кружку и заправил его чудодейственным порошком, выпивать варево рекомендовалось залпом, что я, собственно говоря, и сделал. Большинство лекарств действовало на человека как плацебо, и я твердо верил в это, через несколько минут мне стало значительно лучше, и я заварил себе чайку. Жизнь вновь начала набирать потухшие было краски, и это радовало. Подошел к окну и выглянул на улицу, снаружи все еще царило лето во всей своей красе, город все так же был заброшен и нелюдим. Острое чувство предвкушения чего-то неизведанного пронзило мою грудь, мышцы на секунду напряглись и вмиг расслабились, даря телу тепло. Сегодня я намеревался посетить водонапорную станцию, именно там, как мне казалось, порылась собака, именно это место должно было мне раскрыть глаза на то, что произошло в Еже. Почему я был так уверен? Не могу ответить на этот вопрос, возможно, шестое чувство, возможно, я настолько жаждал новых открытий, что заставил себя поверить в это? В любом случае, станцию стоило посетить, не просто так прекратилась подача воды в город накануне исчезновения всего его населения. Город, который от сезона к сезону рисковал быть смытым в бурные потоки огибающей его реки. Без присмотра человека укрепленные берега начало основательно подмывать, река норовила выпрямить свое русло и пустить свои воды по центральным улицам Ежа. Еще пара лет, и даже желающий не сможет обнаружить город-призрак в тайге, через десяток не останется и памяти о нем.

Есть совсем не хотелось, я кинул в рюкзак пару банок тушенки и ставшие деревянными баранки, дико скучал по хлебу, свежему, еще тепленькому, по особенно пахнущему хлебу. Карабин лежал у моей импровизированной кровати, я уже привык не расставаться с ним, это был мой единственный друг в этом глухом уголке земли, который придавал уверенности в себе.

В этот день меня впервые посетила мысль написать отчет о своем путешествии. Не от того, что я собирался запечатлеть себя на страницах истории как первооткрыватель чего-то невероятного и неизведанного, а как человек, который начинал сомневаться в том, что вернется к цивилизации и увидит еще когда-нибудь в своей жизни живых людей. Я не мог сказать с уверенностью, было ли это порождено моим состоянием или тем, что я давно не общался с живым человеком. В моей практике сталкера я не один раз оставался один на один с тишиной, но раньше меня это радовало, я испытывал дикий прилив сил, секундный всплеск адреналина, в Еже все было иначе. С самых первых дней на меня накатывала тоска, я скучал по тому миру, который оставил, по тем людям, что меня ждали, не думал, что когда-нибудь скажу это, но и

по своей работе я тоже скучал. Лишь мое любопытство держало меня здесь, даже несмотря на ухудшившееся самочувствие, я собирался докопаться до истины во что бы то ни стало.

На улице вовсю светило яркое солнце, чистый, прозрачный воздух окутывал меня, словно младенца пеленки, птицы щебетали в кронах деревьев, чистое небо предвещало хорошую погоду как минимум еще дня на два. Казалось, я должен был воспрять духом и вприпрыжку рвануть к водонапорной станции, но этого не произошло, ощущение какой-то черной безысходности поглотило меня. Последние дни, что я пребывал на Большой земле, были чертовски хороши, может, потому меня одолевала тоска. Я помнил тот последний день, что я провел в городе, до последней секунды, каждую мелкую деталь, каждый оттенок.

На работе был ужасный загруз перед наступлением лета. Все хотели избавиться от накопившихся дел, в том числе и я, мой отпуск, который я собирался посвятить Славке, должен был пройти в Еже. Собственно, это была моя последняя дань моим походам, я собирался завязать, выстрелить в последний раз, но так, чтобы это запомнилось на всю жизнь. Билеты на самолет были заказаны, путь основательно изучен, оставалось только передать свои дела, доехать до аэропорта, сесть в самолет и взлететь, отдаваясь целиком и полностью своему хобби. Но с самого начала дня все пошло как-то наперекосяк. Вначале была Вика, моя любимая жена, которая вечером накануне объявила мне, что ей срочно надо заехать в больницу, а мне, естественно, надо ее туда завезти, вставать пришлось намного раньше, чтобы все успеть. На все мои расспросы, отчего ей понадобилось посетить медучреждение, которое она посещала не чаще, чем раз в десятилетку, она отвечала уклончиво, ссылаясь на плохое самочувствие. Думаю, мне надо было обратить на это внимание, но, честно говоря, я был целиком и полностью увлечен своим предстоящим путешествием, потому как-то пропустил это знаменательное событие посещения больницы. Естественно, я отвез ее и рванул через все пробки к работе. Черт меня дернул ехать через центральные улицы, кто-то из власть предержащих решил прокатиться по проспекту Ленина, естественно, наши доблестные полицаи перекрыли все улицы, на него выходящие. Машину пришлось бросать в первом же попавшемся свободном парковочном кармане и бежать до офиса. Чертовски не хотелось просидеть на работе, передавая дела до поздней ночи. Казалось бы, на том мои несчастья должны были притормозить и оставить меня в покое, но нет. Мой напарник и друг Петя, поддавшись искушению хмеля, напился накануне в баре Тинькофф, но это было еще полбеды, после ночных возлияний этот чудак решил прогуляться по славному Екатеринбургскому пешочком. Я бы понял, если бы он наткнулся на блуждающие неприятности в лице гопников, которые, завидев одинокую фигуру, догнали ее и изрядно побили, не забыв при этом изъять все деньги, сотовый телефон и ботинки с носками. Надо сказать, что ботинки, что носил Петр, были самым ценным, что было при нем в любой момент его жизни. Мой напарник фанател по хорошей обуви и не носил ничего дешевле своей месячной заработной платы, а зарабатывал он немало. Неоднократно я выспрашивал у него, где он умудрялся прикупить кроссовки по столь бешеным ценам, но Петр молчал как рыба, ибо считал, что я собираюсь прикупить себе точь-в-точь такие же. Я согласен, ботинки или туфли еще куда ни шло, но кроссовки, которые можно купить в «бутиках» на рынке рублей эдак за тысячу, покупать в десятки раз дороже, тратя на это почти всю свою зарплату, а потом пить пиво из пластиковых паков, заедая его соленым арахисом, это было выше моего понимания. Как бы то ни было, никто Петю не догонял в ночи, не отбирал кошелек, не снимал с него его туфель или кроссовок и даже не бил ногами, Петя просто банально споткнулся (хотя, что может быть банальнее хулиганов), споткнулся и ровненько воткнулся головой в столб, отчего и получил сильное сотрясение мозга. Благо, он самостоятельно смог добраться до травмпункта, что уже никак не укладывалось в моей голове. Ему надо было в состоянии сотрясенного сознания пройти как минимум два километра, но, тем не менее, Петр преодолел это препятствие, после чего загремел в больницу, серьезно и, к сожалению, надолго. Когда я пришел на работу, мне пришлось поначалу столкнуться с шефом, который уговаривал меня не уходить в отпуск, но

поняв, что он неизбежен, мой любимый начальник передал меня в руки Свете, которая должна была вести все мои дела, пока меня не будет на месте. Девочка Света – это был особенный человек, человек, который попал в нашу профессию совершенно волшебным образом, я уже молчу о том, как ей удалось окончить институт. Она имело весьма отдаленное представление о том, что такое экономическая наука, мало того, у меня было подозрение, что она и таблицу умножения знала по диагонали, ей бы калькулятор на скотч надо было прикрутить к правой руке. И именно этому человеку мне предстояло передать все дела в течение одного коротенького рабочего дня. Работа закипела, общение со Светой шло с большим натягом, она упорно отказывалась понимать мои принципы работы и пыталась навязывать свои. В итоге я плюнул на все, передал ей кипу бумаг, дал пароль от своего компьютера, естественно, предварительно перекинув всю информацию на свой жесткий диск, и отправился домой. Дома меня ожидал несобранный чемодан и билеты на вылет. К трапу по моим прикидкам я успевал, но успевал с трудом. Если бы не память о Славке, я бы плюнул, сдал бы билеты и выехал бы через пару деньков, а может, и вообще в следующем году, а этот отпуск провел бы на даче, с мангалом и пивком. Но я твердо решил лететь, во что бы то ни стало, как-никак, это был мой последний вылет, связанный с индустриальным туризмом. В мои намерения входила капсула времени, где я перечислял все наши со Славкой «подвиги», которую я собирался закопать где-нибудь на центральной площади Ежа. Одним словом, откладывать поездку я не собирался ни при каких обстоятельствах.

Домой приехал поздно, в квартиру влетел как ужаленный, быстро сбросил с себя одежду и рванул в душ, до регистрации оставалось два часа, благо, Екатеринбург – это не Москва, и у меня был вполне реальный шанс добраться до аэропорта без мигалок и вовремя. Помнится, лет пять назад был в Москве по работе. Приехал, уладил все дела, на день вылета заранее заказал такси, приехал в аэропорт вовремя, до регистрации оставался еще как минимум час, так как такси брал с запасом времени. Начал выяснять у администратора, когда будут объявлять регистрацию на мой рейс, и выяснил, что приехал во Внуково вместо Шереметьево. Ох, и заметался же я, застревать в столице мне совсем не улыбалось, терпеть не мог этот город с его надменными жителями. Меня удивлял факт этакого московского налета. Человек, проживший в столице нашей необъятной родины с полгода, чувствовал себя королем мира, и, естественно, все замкадыши вызывали у него мелкое презрение. «Москвичи» шестым чувством определяли провинциала и считали нужным при любых обстоятельствах указать ему на его место, вне зависимости от социального статуса и положения провинциала. Меня эти люди с их богатым внутренним миром жителя столицы весьма и весьма утомляли, каждый час общения с ними был равен проведенному часу в палате с тихопомешанными нарциссами. Я рванул на парковку, отыскал там таксиста, такого же «москвича», как и я сам, только с кавказским акцентом, он не преминул что-то буркнуть себе под нос, насчет «понаехали тут, аэропорт найти не могут», сел за баранку и объявил сумму в триста долларов. Сопrotивляться было бессмысленно, и я со словами «если успеем, будет тебе триста» сел в такси и хлопнул дверью. В тот день мне несказанно повезло, житель гор, а ныне почти коренной «москвич», доставил меня тютелька в тютельку в аэропорт. До окончания регистрации оставалось минут пятнадцать, после которой я почти с радостным смехом влетал в салон самолета. И все-таки хорошо, когда до аэропорта можно добраться минут за тридцать-сорок.

На выходе из ванной меня ждала Вика. Ее выражение лица не сулило ничего хорошего для моей будущей поездки. Моя любимая супруга встречала меня с улыбкой, что говорило мне уже о многом. Мы с ней прожили достаточно времени, и я прекрасно знал ее отношение к моему хобби, которое ухудшилось в десятки раз после смерти Славки. Она прекрасно знала, что каждая моя вылазка была чертовски опасна для жизни, и знала, что мой вояж в далеко заброшенный город Еж отнюдь не прогулка, а почитай одна из самых рискованных поездок.

– Я тебе рюкзак собрала уже. – Тут у меня все рухнуло внутри, она никогда, повторюсь, никогда не собирала мне рюкзак в дорогу, она прекрасно знала, что я это делаю сам, как опытный парашютист сам себе заворачивает парашют перед прыжком. Мало того, она и сама не любила это делать, так как всегда с трудом отпускала меня в мои походы.

– В честь чего, м? – я чмокнул ее в нос.

– У меня для тебя есть пара необычных новостей, – тут же выпалила она, – очень– очень необычных.

Именно в этот момент я начал чувствовать, как моя поездка медленно, но уверенно начала накрываться медным тазом и отползает куда-то в сторонку. Новости – это, конечно, всегда хорошо, когда их оглашают с такой лучезарной улыбкой, но не совсем хорошо, когда у тебя остается всего ничего времени до вылета.

– Что за новости? – я подошел к рюкзаку, раскрыл его и начал высматривать, что же мне собрала Вика в дорогу. Документы у меня были давно подготовлены, и я не волновался на сей счет, но, как-никак, мне предстояла нештучная поездка, где может понадобится куча вещей, которые в определенных ситуациях могут не только сделать мою жизнь комфортнее в тайге, но и спасти ее.

– Я беременна! – выпалила она.

Я оставил рюкзак и посмотрел на нее. Мы частенько обсуждали эту тему, но все как-то не выходило, да и я серьезно не задумывался об отцовстве. Нет, я очень хотел стать отцом, но чтобы вот так, сразу... хотя, надо сказать, я был готов и вполне созрел. Я без слов обнял ее, крепко-крепко, и понял, насколько же родной она мне человек, в тот миг мы с ней были одним единым целым существом, с одними мыслями и мечтами, мы дышали одними легкими, смотрели одной парой глаз, все чувства слились воедино.

– Надо сдать билет! – я оторвался от нее на миг и посмотрел ей в глаза, мне не хотелось уже никуда ехать, хотя маленький колокольчик где-то в глубине души звенел (было ощущение, что я предаю старую дружбу со Славкой, и я понимал, что моему увлечению индустриальным туризмом пришел конец и настало время осесть). – Какой срок? – миллион вопросов кружил у меня в голове, мысли слегка путались, и возникло ощущение нереальности. Неужели это все происходило со мной, прямо здесь и сейчас?

– Во-первых, билет сдавать не надо, я знаю, что это важно для тебя, и ты должен полететь, – она сделала короткую паузу, смотря мне в глаза, и глупо улыбнулась, – но должен обещать, что это в последний раз или, по крайней мере, пока ребенок не вырастет. – Вика прильнула ко мне. – Во-вторых, срок уже как-никак пятая неделя, врач сказал, что беременность протекает очень легко и мне повезло. Никакого токсикоза, никаких нарушений сна, все просто замечательно.

– Ага... пять недель, это, значит, хорошо прошло открытие шашлычно-дачного сезона, мы же с тобой зажигали в тот день у Греков на даче. Удачно мы с тобой в баньку ходили. – Я еще крепче прижал ее к себе. – Как теперь я поеду, ты тут одна останешься, я там, в тайге, за тысячу километров от вас. – Мельком я посмотрел на ее живот. – Я думал, это ты с летними шашлыками прибавила пару килограммов, а оказывается вот оно что. – Улыбка растягивала мои губы, я был безумно рад.

– Ну тебя, шашлыками такого пуза не наешь! – она надула губки и игриво толкнула меня в плечо. – Я сразу заподозрила неладное, сделала тест, а врачи уже сегодня утром подтвердили, срок-то уже немаленький. Они и удивились, что чувствую я себя замечательно, никаких симптомов, кроме двух полосок на тесте и бьющегося сердца на УЗИ.

Я уже в миллионный раз прокручивал события того дня в голове. Мы стояли, обнявшись, почти в самом коридоре и смотрели друг на друга. Я знал, что она не хотела, чтоб я уезжал. Знал, что она желала того, чтобы моя последняя поездка состоялась год назад, а лучше два, я был уверен в том, что она сильно переживает за меня, но я знал, что должен, просто обязан

почтить память старого друга и все-таки попасть в город Еж, зарыть капсулу и выпить сто граммов, опираясь на измазанную в земле лопату.

– Тебе пора, Саш, самолет скоро, – она отстранилась от меня и посмотрела мне в глаза, – я боюсь за тебя. Боюсь с самого того дня, когда узнала про твое это хобби. Ты будь осторожнее, я тебя здесь жду, тебя ждет твой ребенок, будь аккуратен. – Ее глаза наполнились слезами.

– Я буду осторожен, как самый замшелый параноик. – Я улыбнулся во все свои тридцать два зуба, хотя, конечно, их, этих самых зубов, было уже гораздо меньше к моим тридцати. – Я обещаю, покопаюсь в развалинах и сразу домой, и сразу к тебе!

– К нам, – поправила он меня, – давай, беги уже, а то расплачусь. – Она действительно надула губы, задрожал подбородок, это были первые предвестники слез. – За мной тут мама с папой присмотрят, пока тебя не будет, все будет хорошо, главное, чтобы у тебя было все в порядке.

– У меня будет все отлично! – заверил я ее.

...Теперь я понимал, что у меня уже совсем не все в порядке, предболезненное ощущение не отпускало меня, и я прекрасно знал, насколько опасно болеть в этих местах. Логика подсказывала мне собирать вещички и дуть домой на всех парах, пока меня совсем не свалило с ног, однако что– то держало меня в этом месте. Мне даже сложно сказать, моя ли это воля. Я знаю, это похоже на бред человека, у которого подскочила температура, но моя ли воля держала меня тут? Отрыв от цивилизации сказывался на сознании, и я уже был готов поверить в те сказки, что описываются в желтой прессе. Мистика, фантастика, думаю, это все-таки моя болезнь, грипп или, скорее всего, простуда, надо уповать на то, что лекарство, проглоченное мной с утра, поможет мне справиться с ней и провести в этом городе еще пару-тройку дней, а потом отправиться домой. Я нашел склад с продуктами, в этом мне повезло. Я мог прожить в Еже еще месяц или два, пока не докопаюсь до истины, но на Большой Земле меня ждала беременная жена, и я всей душой стремился именно к ней, на другой чаше весов было мое любопытство. Сегодня мысли путаются, пожалуй, буду описывать голые факты того дня.

...Я вышел на улицу и взглянул в кристально чистое небо. Тайга была полна звуками природы, дикими и первозданными, воздух наполнял мои легкие, и я с каждой секундой чувствовал, что мне становится легче жить в этом гиблом месте. Все отошло на второй план, все дурные мысли, я отстранился от них, меня ждала водонапорная станция, и я уверенно направился прямо к ней.

Станция представляла из себя небольшое здание, стоящее на берегу искусственного водохранилища, белая штукатурка местами осыпалась с его фасада, обнажая красный кирпич. Деревянная дверь, окрашенная в небесно-голубой цвет, была открыта настежь, являя миру темное нутро. Я поднялся на небольшое крылечко и остановился у входа, не знаю почему, но заходить внутрь совсем не хотелось. Я видел большой насос, стоящий в центре зала, на первый взгляд он был вполне работоспособным. Солнце, поднявшееся высоко в небо, неуверенно проникало внутрь машинного зала, освещая кусок бетонного пола, его лучи приятно грели спину сквозь легкую куртку, которую я накинул на себя утром.

Я достал из кармана пачку сигарет, повертел ее в руках и, передумав курить, сунул ее назад. Первый шаг дался мне нелегко, будто тьма, обволакивающая зал, была осязаема и не хотела пускать меня внутрь. Инстинктивно я перехватил поудобнее карабин, и большой палец скользнул к предохранителю. Это было, скорее, инстинктивное движение, нежели осознанное. Что заставляло сталкера тащиться в давно заброшенные места, копать среди металлолома, ломать ноги и руки, погибать, наконец? Это минуты, а иногда и секунды ни с чем несравнимого удовольствия, люди прыгают с парашютами, ползают по горам и находят в этом свое удовольствие, именно в этот момент, находясь в темном машинном зале, я испытывал то, что сделало меня сталкером. Моя болезнь отошла на второй план, я будто находился на каких-то древних раскопках, ища тайны прошлого. Я двинулся в глубь зала, обходя вокруг насос, который возвы-

шался в самом его центре. Чуть правее я заметил небольшую деревянную будку с остеклением, также выкрашенную в голубой цвет, видимо, оттуда осуществлялось управление этим агрегатом. Я мало понимал в устройстве водонапорных станций, подающих воду в города, мало того, впервые присутствовал на подобном объекте. Мои шаркающие шаги эхом отражались от стен, замирая где-то под потолком, который находился метрах в трех над моей головой. Окон в этом здании не было, пришлось включить фонарь, луч которого уверенно скользил передо мной.

Я почти полностью обошел насос вокруг, когда яркое пятно искусственного света выхватило из темноты лежащий на бетонном полу лом, это был старый обычный лом, которым, очевидно, привели в негодность тот самый насос, рядом с которым я стоял. Следы варварского насилия над техникой, нанесенные с помощью древнейшего инструмента, были отчетливо видны на корпусе насоса. Пара точных ударов приходилась по какой-то емкости, судя по всему, в ней было масло, смазывающее механизм, черные подтеки скользили по металлу, растекаясь аморфным пятном по полу. Еще несколько дыр я заметил в панели управления, кто-то потрудились на славу, приводя в негодность единственный насос, питающий город водой. Кому и зачем это понадобилось?

Я закончил свой обход, помимо тех повреждений, что я увидел, присутствовали и другие, которые я не заметил с самого начала. Рано было делать какие-либо выводы, и я направился к маленькой будке, которую заметил раньше. Здесь меня ожидал настоящий сюрприз, но сюрприз, прямо скажем, не в лучшей интерпретации этого слова. Помимо развороченного пульта, битой посуды, оборванных кабелей, на полу в будке лежал труп. Вернее, это были останки человека, в виде отполированного до блеска скелета. Почему-то в голову полезли воспоминания об уроке анатомии, когда биологичка выкатила из шкафа скелет, такой же белый и глупо ухмыляющийся своими обнаженными челюстями. Я знал, что это был муляж, не настоящий скелет, и все же как-то в тот момент стало жутко. Я смотрел, как она его бережно катит в центр класса, придерживая за предплечье, руки и ноги у него болтались из стороны в сторону, имитируя какую-то адскую пляску. В окно класса светило яркое солнце, впереди были летние каникулы, и внутренне я уже отдыхал на берегу водоема, греясь под его ласковыми лучами. Все говорило в тот момент о бурной жизни, и ничто не напоминало о смерти, кроме этого белого уродца, насаженного на металлический каркас. Глядя на скелет, лежащий на сером холодном бетонном полу, я вспоминал не только тот день, но и ощущения, что будоражили мое нутро. Я стоял минут пять не шевелясь, честно говоря, я растерялся, я часто встречался с призраками тех мест, что посещал, призраками, которые рождались только в моем богатом воображении, но никогда еще я не сталкивался с настоящим олицетворением смерти, что посетила те или иные места. В этом смысле Еж был для меня открытием.

Я приставил карабин к стене и присел на корточки рядом с трупом, мой взгляд пытливо скользил по костям, в этот момент я не испытывал ужаса или страха, скорее, наоборот, я испытывал восторг, связанный с моей новой находкой, и я хотел выяснить, от чего умер этот бедолага. На первый взгляд все кости были целы, скелет походил на тот самый образец в кабинете биологии, по крайней мере, я почти с уверенностью мог сказать, что причиной смерти послужил несильный удар, который мог сломать кость, или неогнестрельное ранение, хотя и до медика мне было далеко. Я еще раз, не вставая, окинул взглядом комнатушку – вся техника была переломана. Старая, покрытая пылью чашка валялась в углу, какие-то коробки громоздились вдоль стен, кусок веревки с петлей лежал рядом с перевернутой табуреткой. Я встал и посмотрел вверх. Так и есть: очевидно, тот, кто лежал у моих ног, повесился, второй кусок веревки красовался под потолком. Труп либо срезали позже, либо веревку перегрыз какой-то мелкий грызун или она сама разорвалась от старости. Я осмотрел кончик той веревки, что лежала на полу, собственно, любой из вариантов мог иметь место, да и это не имело особого значения, по крайней мере, сейчас. Остатки одежды, лежащие под костями, говорили о том, что этот человек был служащим водоканала, то есть именно он присматривал за водонапорной

станцией, возможно, именно он переломал тут все, а затем вздернулся в своей будке на радостях. Это, конечно, не было истиной, но вполне могло быть правдой. Что побудило его оставить город без питьевой воды, сказать сложно, но, думаю, причины были весьма серьезными. Что заставило влезть его в петлю? Думаю, все те же причины, возможно, рожденные воспаленным сознанием буйнопомешанного, мужик мог просто съехать с катушек и послать все к чертовой матери. Скорее всего, я никогда не узнаю, что именно им двигало, а может, и не им вовсе. Может, он пришел с утра на работу, увидел здесь жуткий раздрай, учиненный хулиганами, его тонкая душа непризнанного поэта этого не выдержала, и он покончил жизнь самоубийством, накатав пару строк на бумаге, которая к моему приходу истлела. Но было здесь еще кое-что. То, что заставляло мысли в голове лихорадочно шевелиться. Поначалу я не заметил ничего необычного, но спустя несколько минут факты в моем подсознании увязались в единую цельную картину, но при этом упорно не хотели состыковываться.

Осматривая труп, я заметил многочисленные следы от зубов животных, которые, очевидно, явились сюда полакомиться человечинной. Сам факт, прямо скажем, не из приятных; перед глазами тут же вырисовывается живописная картина с кусками мяса и лужами крови, которую тщательно вылизывали мелкие грызуны. Надо думать, это естественно для столь диких мест, удивительно, как этого бедолагу не растащили по разным углам, может, хищники были не настолько крупны, может, его обглодали крысы, пока он еще висел, я не судмедэксперт и определить точно не мог, как скелет мог остаться в целостности и сохранности, факт состоял в том, что его качественно объели. Однако, черт возьми, как только моя нога ступила на землю этого проклятого места, я обратил внимание на полное отсутствие животных. Что-то заставляло их обходить город стороной, что именно – я не знал, возможно, бывшее обиталище человека все еще отпугивало их, хотя я в это не верил. Но то, что я видел в магазине, так же оставалось фактом, ни один продукт не был тронут лесными обитателями, даже крупы грызуны обошли стороной. Здесь же, на водонапорной станции, можно сказать, в той же черте города, животные славно попиروвали. Разорвав одежду, они добрались до мягких тканей. Грызуны своими маленькими отточенными зубками прорывали себе тоннели в теле бедняги, купались в его крови, наслаждались его внутренними органами, думаю, остатки плоти исчезли с этих костей максимум за пару-тройку дней.

Я встал на ноги и огляделся еще раз, никаких следов пребывания в этом месте лесного жителя не наблюдалось, казалось, они пришли сюда на зов свежей человеческой плоти, и так же быстро удалились, после того, как не осталось ни единого кусочка мяса. Я подавил легкий рвотный рефлекс, вся эта история с трупом была весьма неприятна, мое богатое воображение разукрасило события тех дней в яркие и сочные краски, и я пытался усилием воли избавиться от этих навязчивых видений. Рука сама собой потянулась к сигарете, легкий сизый дым наполнил мои легкие, и я с шумом выпустил это облако под потолок.

– Чертовски странно, – эти слова я произнес вслух, чтобы вернуть себе самообладание, звук человеческого голоса, хоть и моего собственного, вселял уверенность, приводил мысли в порядок.

Я подошел к письменному столу, на котором царил вселенский бардак, мои руки перебирали бумаги, глаза быстро скользили по строкам, пытаюсь доставить в мозг хоть сколько-нибудь полезную информацию, но ничего интересного я не обнаружил. Унылые отчеты о проделанных работах, количестве поставленной в город воды, очередных и внеплановых ремонтах насосного оборудования, и ни единого намека на то, что здесь могло произойти.

Я вернулся в машинный зал, лом по-прежнему валялся на своем месте, и сдавалось мне, валяться здесь он будет до тех пор, пока ржа не превратит его в пыль. Я пытался представить себя на месте того человека, что лежал в маленькой камерке за моей спиной, если все эти разрушения были делом его рук. Но что двигало им в тот момент? Он вышел с ломом из своего закутка или подобрал его по дороге к насосу, сделал пару кругов вокруг агрегата, который

обслуживал не один десяток лет, а может, и первый день в своей жизни. Его взгляд скользит по металлической поверхности, определяя самые уязвимые места, затем первый удар, за ним сразу же второй. Когда дело кончено, он бросает лом тут же, в машинном отделении, он совершенно не боится того, что его разоблачат, потому что в его жизни уже все предрешено. Он направляется к своему рабочему месту, его руки сметают со столов бумагу, переворачивают кружку с утренним чаем или кофе, она падает на пол и разбивается на мелкие осколки. Скорее всего, веревка, подвешенная к балке, уже готова, он встает на табуретку, просовывает голову в петлю и кончиком носка своего грубого ботинка отбрасывает опору в сторону. Знает ли он, что его мучения в петле будут длиться не одну минуту, он барахтается на конце веревки, как комар, попавший в паутину безжалостного паука. Возможно, теперь он хочет жить, каждая секунда, проведенная в петле, равняется часу, но тиски все туже затягиваются вокруг его шеи. Первым не выдерживает мочевой пузырь, хрипы и стоны наполняют маленькую водонапорную станцию, но ему некому помочь, и он дергается еще несколько минут, пока его организм, лишенный кислорода, не отказывает и не наступает уже долгожданная смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.